

A couple is captured in a dramatic tango pose. The woman, on the left, wears a vibrant red, floor-length dress with a low back and thin straps. Her hair is styled in a ponytail. The man, on the right, is dressed in a dark blue long-sleeved shirt and dark trousers. They are positioned in a dark studio setting, illuminated by a bright spotlight from the top left, which creates a starburst effect. In the background, a large, faint target or bullseye graphic is visible. The floor is made of light-colored wooden planks.

Марина Крамер

Я НЕ УМЕЮ ПРОЩАТЬ

ТАНГО ПОД ПРИЦЕЛОМ

Марина Крамер

Я не умею прощать

Серия «Танго под прицелом», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432972

Я не умею прощать: Эксмо;

Аннотация

Мария Лашенко, она же Мэри Кавалье, профессиональная танцовщица и известная французская писательница, живет одна. Она спокойна и счастлива, все время отдано работе и верным друзьям – Марго и Джефу. Но в жизни Марии вновь появляется Алекс – по-прежнему дьявольски обольстительный, властный и... такой любимый. В то же время Мэри назойливо преследует богатый влиятельный бизнесмен. Оба мужчины готовы на все ради прекрасной дамы. Причем ее собственный выбор мало что значит... И дело тут вовсе не в любви.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Марина Крамер

Я не умею прощать

Часть 1

В трубке – требовательный мужской голос с каким-то едва уловимым акцентом:

– Мне нужна именно она. Другие тренеры меня не интересуют.

Администратор клуба бального танца потерла пальцами переносицу и, держа телефонную трубку на отлете, крикнула, обращаясь к курившим на диване пятерым молодым парням:

– Кто-нибудь, позовите к телефону Мэри.

Один из куривших моментально вскочил, за что тут же был вознагражден громовым хохотом приятелей:

– О, подорвался, как ракета!

– Иди-иди, может, снова палкой по спине схлопочешь!

– И старайся руки держать так, чтобы Мэри их видела!

Молодой человек не отреагировал никак, вприпрыжку спустился в зал и замер в дверях. Посреди огромного паркетного зала, удерживая баланс на одной ноге, стояла худощавая рыжеволосая женщина в длинных теплых гетрах, обтягивающем комбинезоне и черных туфлях на высоком каб-

луке. Руками она изо всех сил тянула вверх вторую ногу. Рядом с ней смущенно топтались двое подростков – мальчик и девочка лет тринадцати.

– Ну, что? Если я могу – а мне уже далеко за двадцать, – то и вы должны, – категорично заявила женщина, аккуратно вставая на обе ноги и чуть наклоняясь, чтобы подтянуть сползшие гетры. – Так что, уважаемые гении, тренируемся – и к концу занятия сдаем мне баланс. Хочу видеть от вас отдачу за деньги ваших родителей.

Женщина заметила стоявшего в дверях молодого человека, и ее лицо приняло надменное выражение:

– Что хотел, Артем?

– Мэри... вас к телефону в тренерской.

– Мой телефон лежит на тумбе у системы, – чуть скривившись, бросила она. – Придумай в другой раз что-то более интересное.

– Я не вру. Мэри, пожалуйста... Там Анна Яковлевна с каким-то клиентом разговаривает...

– Хорошо. Сейчас.

Она пару минут наблюдала за попытками своих «гениев» повторить упражнение, одобрительно хмыкнула и ушла наверх.

Аккуратно взяв из наманикюренных пальцев администратора трубку, она произнесла чуть хриловато:

– Алло, – и услышала в ответ:

– Мэри. Это я. Ты узнала.

Мэри

Ну, вот. Я так и знала. Предвидела, чувствовала – правда, надеялась, что не так скоро, не настолько быстро, не сейчас. Обрадовавшись, что звонит клиент, у которого завелись деньги на индивидуальные занятия бальными танцами, я совсем выпустила из вида, что на номер клуба может звонить кто угодно. Собственно, «кто угодно» и позвонил.

Мне казалось – все закончилось, я все сказала, сделала все, чтобы больше никогда не видеть этого человека, не слышать его голоса, вообще никак о нем не вспоминать. Я отрезала себе все пути к возможному отступлению – но ему на это, похоже, наплевать. У него всегда свое мнение, свой резон. Если бы он вернулся в любое другое время, я, возможно, не отреагировала бы так, но сейчас его появление мне совершенно не нужно. Более того – опасно.

Метро, час пик, у меня кружится голова, подгибаются натруженные за весь тренировочный день ноги, болит спина, ноют руки. Могла бы пешком пройти, до дома не очень далеко, но нет – все болит. Развалина какая-то, а не тренер по бальным танцам. Углядев освободившееся место, протискиваюсь к нему и замираю от счастья, пристроив многострадальное тело в относительно комфортной позе. Очень хочется спать, нестерпимо, так, что глаза, кажется, засыпаны пес-

ком. Я очень рано встала сегодня, весь день почти не ела, только курила и пила кофе. И этот звонок... Чертов Алекс – как же ты некстати...

Дома на автоответчике моргает красная лампочка – сообщение. Не хочу слушать, не могу, мне страшно. Пока не буду.

Я иду в кухню, включаю чайник и машинально вставляю сигарету в длинный антикварный мундштук. На столе, накрытая белым полотенцем, стоит тарелка с салатом и вторая – чуть меньше – с паровой рыбой. Это Марго приходила, моя подруга, моя соседка и вообще единственный родной мне человек на этом свете. Мы много пережили вместе. В том числе и Алекса.

Ровно год назад таким же апрельским днем я решительно выставила его из своей жизни. Собрала все силы – и выставила. Он ушел. Но разве Призраки уходят просто так? Не-ет!

Возвратившись домой с очередной тренировки, я нашла в почтовом ящике билет «Москва – Лондон» на свое имя. На обороте острым неровным почерком сплошным текстом было написано стихотворение. Я все поняла – и кто автор, и кому адресовано, и зачем билет. Я отказала ему утром – а он уже давно был уверен, что выиграл, потому и билет имелся. Алекс не сомневался, что увезет меня. Он так ничего и не понял...

Как я жила без него весь этот год? Не помню. Как во сне. Работала, танцевала, спала, ела... иногда писала стихи, нару-

шив данное себе обещание никогда больше этого не делать. Успела написать роман – я же, как-никак, французская писательница Мэри Кавалье.

Странное дело – я никогда не пробовала писать и публиковать книги в России. Не знаю, наверное, мой самый первый опыт произвел на меня такое действие. Книга – полудетектив-полурасследование – о моем ныне покойном муже, карточном шулере и воротиле «теневого бизнеса», надела столько проблем в жизни, что навсегда отбила охоту связываться с русскоязычными издательствами. Нет, я – французская детективщица, и хватит. Да и этого не было бы без Марго.

Правда, книги я пишу только под настроение. Основная моя работа связана с тем, в чем я действительно разбираюсь – с бальными танцами. Я отдала этому всю жизнь, и если бы не мое дурацкое замужество и ревнивый до сумасшествия муж, то, возможно, сейчас танцевала бы как профессионал, катаясь по всему миру и зарабатывая деньги. Но так случилось, что муж категорически запретил выходить на паркет. Ну, еще бы – как мог человек с фамилией Кавалерьянц перенести, чтобы его жена появлялась на людях в облегающем платье, которое можно назвать этим словом с большой натяжкой, да еще и в объятиях мужчины! Другого мужчины! Так моя танцевальная карьера прервалась на несколько лет, а потом еще была автомобильная авария – тоже не без участия дорогого супруга Кости – и травма ноги. Я долго и мучитель-

но восстанавливалась, училась ходить, потом снова училась танцевать. Но я справилась с собой, с травмой, с обстоятельствами и теперь делаю то, что составляет смысл моей жизни: танцую сама и тренирую детей. Я одинока – если не считать Марго и ее мужа Джефа, – но абсолютно счастлива.

Если бы еще не Алекс.

Этот человек возник в моей жизни из-за Марго. Возник – и остался, расселся по-хозяйски, по привычке положив одну ногу щиколоткой на колено другой, закурил и заявил, что никогда не оставит меня в покое – пока я не одумаюсь и не соглашусь на его условия, не признаю его главенства, не смирюсь с проигрышем. Но он немного не рассчитал. Я не из тех, кто подчиняется, не из тех, кто прислушивается. Я стопроцентная эгоистка и самовлюбленная стерва. Мне наплевать на чужие «хочу» – у меня собственных полно. А возомнивший себя суперменом Алекс никак не хочет этого понять.

Я знаю о нем многое – всего никому не дано. Алекс – ликвидатор, связанный с какой-то террористической группировкой, но мы никогда об этом не говорим.

Муж Марго, Джеф, – из той же лавочки, и моя бедная подружка частенько проливает слезы по этому поводу. Я отношусь к подобным вещам философски – каждый зарабатывает как умеет. Ирландец Джеф уже год живет в Москве с Марго и за все это время отлучался от силы три раза, причем два – домой, в Ирландию. Марго в эти моменты катастрофически худела, дурнела и переставала спать, предпочитая прово-

дить ночи в моей квартире, в моей широченной двуспальной кровати, где я обычно сплю одна. Я ночи напролет прислушивалась к ее судорожным вздохам, к тому, как она встает, бродит по квартире, грызет яблоки в кухне, вполголоса разговаривает со своей рыжей кошкой, которая перемещается в мою квартиру вместе с хозяйкой. Я жалела Марго и искренне не понимала причины, заставлявшей ее так сильно переживать. Джеф – умнейший человек, осторожный, спокойный в отличие от нервного, вечно взбудораженного Алекса. Джеф знает ответы на все вопросы, в его руках любое дело исполняется шутя, играючи. Он надежен, как огромная скала. А Марго все время ищет какие-то причины для беспокойства, для слез – я не понимаю этого. Но такова Марго – может устроить трагедию на ровном месте, и только такой человек, как Джеф, способен это вынести.

Страдаю ли я от отсутствия личной жизни? Скорее нет. Думаю, потому, что некогда задумываться. Вот уже год как мой день построен таким образом, чтобы не оставалось времени на пустую рефлексию и ненужные душевные муки. Единственная мысль, приходящая в голову после одиннадцати вечера, – это как бы лечь в постель, укутав ноющие ноги гетрами, и провалиться в сон. Правда, иногда я еще успеваю написать что-то – между душем и постелью.

Но я совершенно не жалею, что в моей жизни напрочь отсутствуют мужчины. Разумеется, есть партнер по танцам Виктор, есть какие-то парни в клубе, с которыми я разгова-

риваю, общаюсь и иногда пью кофе – но это абсолютно другое. Я не рассматриваю их как мужчин – хоть убей. Это вырабатывается годами тренировок, когда переодеваешься в одной раздевалке, когда партнер застегивает тебе платье, вытирает полотенцем мокрую от пота спину, помогает напудрить лицо и тело перед выходом – да мало ли. И воспринимать такого человека как сексуальный объект уже не выходит – они для тебя не имеют пола, как братья, родственники. А какой секс с родственником? Правильно, никакого.

Другие мужчины... Хм... А они вообще есть – другие-то? Во всяком случае, то, что ошивается вечерами в нашей «стекляшке», вряд ли подходит под это определение. Но, я думаю, у меня все так запущено именно из-за Алекса. Именно после общения с ним я перестала замечать других – потому что не привыкла довольствоваться подобием или копией. А с оригиналом все вышло так... сложно и больно, что повторения не хочу. Лучше одной. Это безопаснее и комфортнее для души и сердца.

Красный глаз автоответчика не давал расслабиться. Нет, я должна побороть свой страх и прослушать сообщение. Дотянувшись до кнопки, впустила в комнату чужой голос:

– Как твои дела, Мэри? Ты сегодня поздно вернулась. Не задерживайся больше, я не люблю ждать.

Я взвыла, закусив кулак. Это длится уже около месяца, и ничего невозможно сделать. Связываться с милицией я не

особенно настроена – у меня не очень законный паспорт, мало ли... Так вышло – чтобы спасти меня, Алекс вынужден был сделать мне другие документы, а по своим я официально мертва уже около пяти лет. Вот так – нет меня, и все тут. И это обстоятельство здорово осложнило мне жизнь в последнее время. Дело в том, что за мной решил приударить один господин. И все бы ничего – если бы не его высокий пост, чрезвычайно преклонный возраст и слишком большие деньги в руках. Дедуля решил, что за свои нереальные бабки может иметь все, на что посмотрит, – в том числе и меня.

Увидел меня Михаил Борисович на турнире. Он выступал генеральным спонсором, а я выставяла свою первую пару воспитанников. И то ли я была слишком ярко одета и накрашена, хотя ничего особенного не надевала, разве что ботфорты на высоких каблуках и узкие джинсы, то ли просто его взгляд случайно зацепился за мою персону... Но перед финалом, куда мои дети попали, ко мне подошел высокий мрачный парень в строгом костюме и сунул записку, в которой меня приглашали после награждения за столик спонсора. Я окинула взглядом зал, нашла этот пресловутый столик и аж передернулась – на меня в упор смотрел худой старик в дорогом костюме и ослепительной рубашке. В его взгляде было столько пошловатого обожания, что мне стало плохо. Я не нашла ничего умнее, как порвать записку и демонстративно опустить ее в мусорку.

Мои дети стали шестыми. Я не могла понять, что происхо-

дит – они танцевали как минимум на третье место, но в распечатке стройными рядами красовались шестерки от всех десяти судей. Разговаривать с главным судьей я не рискнула – мое тренерское имя еще не было столь громким, как в свое время танцевальное. Да и не имя даже, а псевдоним – я так и шла во всех клубных бумагах как Мэри. Просто Мэри – без фамилии. Как знаменитая Кармен, партнерша Брайана Ватсона. Да, мне говорили, что от скромности я не умру...

– Ничего, это ваш первый опыт, вы и так сделали практически невозможное, – сказала я своим детям, которые, кстати сказать, были вполне довольны результатом, потому что я настраивала их на меньший.

Но на душе скребли кошки – я прекрасно понимала, почему так случилось.

С понедельника начался кошмар. Мне привозили огромные букеты цветов – все больше экзотических, приглашения на какие-то концерты, выставки, презентации. Я не отвечала, выбрасывала приглашения, не носила домой цветы, не брала трубку, если номер незнаком. Все это напоминало уже пройденный этап жизни – именно так начинались ухаживания моего мужа. Именно так Костя преследовал меня, убеждал, уговаривал. Меня сломало тогда не повышенное внимание, а недоверие. Недоверие моего любимого человека, Максима. Если бы не это – моя жизнь пошла бы совсем по другой колее. Я, наверное, продолжала бы танцевать, не писала

бы детективных романов, не моталась бы из Цюриха в Бильбао, потом в Прованс, а оттуда снова в Москву и Цюрих по «левым» паспортам. И звали бы меня Мария Лащенко – или Нестерова, например. А так...

Какая я, к черту, Лейла Манукян, ну, посмотрите на меня внимательно – худая, рыжая, с вечно прищуренными глазами, с порывистыми движениями и отвратительным характером. Я – Мэри. Теперь это уже не имя – состояние души, тип психики, стиль жизни. В клубе, кажется, никто и не помнит – или просто не знает, – как меня зовут. Детям я тоже позволяю звать себя Мэри.

И еще одно... Если бы не Костя – в моей жизни никогда не возник бы Алекс. Не было бы моей сжигающей любви к нему, моих слез, моих мучений, о которых он, разумеется, хорошо знает. Более странного романа у меня в жизни не случилось. И уже не случится – я уверена. Там было все: от ночной переписки в аське после понюшки кокаина до страстного танго в маленьком зале – это был наш первый и последний танец. Мы как два магнита с одинаковым зарядом – вроде как и тянет друг к другу, но в то же время поле между нами сильнее, и оно расталкивает нас в разные стороны. Я очень его любила – да и невозможно его не любить, даже когда знаешь о нем все, что возможно. Парадокс – он меня тоже любит. Наверное.

Смешно, да?

Да...

Появления Алекса я боялась по двум причинам. Во-первых, не была готова, успела отвыкнуть, забыть, смириться. Во-вторых, Михаил Борисович. Если Алекс унюхает – с его-то чутьем и интуицией, – проблемы начнутся у всех, начиная с меня.

Да, между нами ничего нет и почти ничего не было в прошлом – если не считать пары ночей, проведенных в постели. Однако по какой-то странной логике Алекс считает, что я принадлежу ему. Как и все, чего когда-либо касались его красивые руки пианиста с длинными гибкими пальцами. Его логика всегда была выше моего понимания, да я уже давно и не стараюсь понять. Мне – не нужно. Хорошо бы, еще и сам Алекс считал так же.

Ранним утром телефонный звонок заставил меня оторваться от сладкой полудремы-рефлексии и взять трубку. Так и есть – почтенный старец:

– Здравствуй, Мэри. Как прошла ночь?

– Спасибо, хорошо.

Молчание. Долгое, тягучее – как кисель. Ну, чего ему надо от меня?!

– Ты сегодня работаешь? – нашелся наконец подходящий вопрос у Михаила Борисовича, и я скорчила своему отражению мерзкую рожу, как будто могла таким способом переадресовать ее звонившему.

– Я всегда работаю.

– А ведь нужно отдыхать, ты так надорвешься! – О черт, зачем я это сказала?! Теперь начнется эпопея с турпутевками – как пить дать. Я не ошиблась – буквально тут же мой собеседник решительно заявил: – Если тебе удобно, то уже послезавтра мы могли бы полететь куда-нибудь, где тепло и солнечно, где есть море и пляжи...

– Так, стоп-стоп-стоп! – решительно перебила я, пока старичка не унесло окончательно. – Во-первых, я работаю. Во-вторых, мне противопоказан морской климат, а в-третьих, я никуда не собираюсь с вами. Надеюсь, это понятно? – И скоренько бросила трубку, чтобы больше ничего вообще не слышать.

С подобным предложением престарелый мачо уже неоднократно подкатывал ко мне, однажды даже прислал конверт с оплаченной путевкой на горный швейцарский курорт, который я разорвала на глазах изумленного до немоты посыльного. Михаил Борисович изволил потом сильно гневаться, даже голос себе позволил повысить в телефонном разговоре, однако утих на какое-то время. Значит, решил повторить попытку. Есть же люди, которым ничего невозможно объяснить...

Засунув телефон куда-то в стопку постельного белья в шкафу, я вышла в кухню и машинальным движением нажала кнопку электрического чайника. Джемва, кофемолка, запах свежего кофе, первая утренняя сигарета... Все как все-

гда. Любое мое утро похоже на другое, как спички в коробке, – ничего не меняется. Но это, думаю, к лучшему. Ритуал не дает мне выпасть из рабочей колеи даже после таких вот звонков.

Зато в этой жизни есть некто, кому наплевать на мои попытки уравновесить свою жизнь.

Я уже вышла из душа и как раз заматывала голову полотенцем, когда в дверь позвонили. Могла зайти Марго, и потому я не удосужилась даже в глазок посмотреть, отученная от подобного действия домофоном. В распахнутой мной же настежь двери показался – ну да, правильно. Как всегда, в своем репертуаре: весь в черно-белом, неизменный тонкий шарф на шее, зонт-трость в руке – шел дождь, судя по стекавшим с зонта каплям. Март, называется...

Даже тонкий шрам через весь подбородок не сделал Алекса ни на грамм менее красивым. Сердце мое в какой-то момент перестало биться. Черт возьми...

Я его не звала, не ждала и – более того – боялась, а потому попыталась захлопнуть дверь, но куда там – он уже стоял в прихожей и привычно шарил рукой по стене в поисках выключателя. Свет вспыхнул, ударив по глазам, я зажмурилась, в очередной раз совсем не к месту подумав, что надо бы сменить лампочки в плафоне на менее яркие. А Алекс уже поставил зонт в угол, сбросил на вешалку плащ и шагнул ко мне, взял за плечи холодными руками, притянул к себе:

– Ну, не успела убежать, Мэри?

Холод его рук привел меня в чувство, и я запоздало и совершенно по-идиотски завизжала. Он же только рассмеялся, не выпуская меня.

– Ты все такая же, Мэри. Открываешь, не спрашивая, потом каешься и проклинаешь себя. Хорошо, что это я – а ведь мог быть кто-то еще. Или я не прав? – Он чуть отстранил меня и требовательно заглянул в глаза. Я попыталась вывернуться, но бесполезно – хватка у Алекса всегда была железной. – Ты не рада мне?

– А должна?

– О, все в порядке – это по-прежнему ты. Только тебе приходится в голову отвечать мне вопросом на вопрос.

– Отпусти меня. – Я, как могла, прятала глаза, чтобы он случайно не прочитал в них, как неумело я сейчас пытаюсь обмануть его. Или себя?

– Хорошо. Я отпущу тебя, Мэри.

Он убрал руки, и я сразу отскочила к противоположной стене. Алекс снова усмехнулся, но уже как-то невесело. В его глазах мелькнуло так хорошо знакомое мне выражение тщательно скрываемой ярости. Как же он красив в такие моменты... Признаюсь честно – порой я специально выводила его на эмоции, только чтобы видеть таким, замирать от восторга и бороться с собой, стараясь не показать своих чувств. Глупо, знаю...

– Ты не пригласишь меня войти?

– Ты уже вошел, – буркнула я, запахивая халат на груди. –

Надеюсь, помнишь, где кухня, мне нужно одеться. – Но он не пустил меня, потянул за собой в сторону кухни.

– Побудь со мной. Я только вошел – а ты уже стараешься убежать.

Я покорно вздохнула, в душе проклиная себя за навалившуюся вдруг слабость и бесхарактерность, никогда прежде мне не свойственную. Мы оказались в кухне, и Алекс безошибочно угадал мое любимое место. Хотя – что там гадать, я и в квартире Марго, точно такой же по планировке, всегда сидела именно в этом углу между окном и столом. Я даже мебель передвинула у себя, чтобы образовалось уютное местечко. Одинокие вечера, если оставались силы, я коротала именно тут – забрасывала ноги на батарею, ставила рядом на столе пепельницу, спиртовку с джезвой, иногда – ноутбук, курила, пила кофе, что-то пыталась писать – или просто глядела в стену. В такие моменты меня окружали призраки моего прошлого – отец, муж, любовник, еще какие-то люди... И венец всего, разумеется, Алекс, сидящий сейчас у окна и чуть насмешливо глядящий на меня.

– Кофе? – Я отвернулась к плите, но он вдруг позвал изменившимся голосом:

– Мэри, посмотри на меня.

Я повернула голову – он смотрел на меня в упор, словно нанизывая на спицу, – до того мне почему-то стало больно внутри. Я знала эту его манеру, знала, что он любит напускать на себя флер мистики, окутываться, как плащом, какими-

ми-то полунамеками. Раньше, особенно первое время, меня это пугало. Потом я перестала реагировать, чем злила его несказанно. Сейчас мне уже почти все равно...

– У тебя болит внутри, Мэри. Ты устала быть одна.

– Тоже мне – новость, – спокойно отозвалась я, снова отворачиваясь к плите и включая ее.

– Почему ты одна, Мэри? Неужели за все это время не встретился достойный человек? – А в голосе-то прямая насмешка, намек на то, что с ним никто не сравнится. Самолюбленный павлин...

– Я одна потому, что мне так лучше. Устраивает?

– Нет, Мэри, – по привычке растягивая мое имя по слогам, проговорил Алекс, щелкая зажигалкой. – Нет, не устраивает.

– Ничем не могу помочь. Другого ответа нет.

Он встал, шагнул ко мне и взял за плечи, крепко сжал, не давая обернуться, и зашипел в ухо:

– Другой ответ есть. И ты очень часто произносишь его, когда думаешь, что тебя никто не слышит. Зачем ты упираешься, Мэри?

Каких трудов мне стоило собрать себя в кулак и не поддаться этому голосу, этому тону, заставлявшему меня забывать обо всем, этим рукам, которые крепко держали меня за плечи... Но я справилась и вырвалась, отошла к мойке и прикусила губу, глядя на Алекса исподлобья.

– Шел бы ты... к Марго.

Он слегка опешил, но быстро пришел в себя:

– При чем тут Марго?

– При всем. Иди, Алекс, мне нужно собираться на работу.

Я почти силой вывела его из кухни, сунула в руки зонт и плащ и выставила на площадку, захлопнула дверь и привалилась к ней спиной. С площадки донесся смех и многозначительное обещание:

– Я вернусь, Мэри. И ты это знаешь.

Знаю. Но постараюсь сделать все, чтобы этого не произошло. Зачем я сказала фразу про Марго? К чему? Вышло так, что я ревную. Это неправда. Это глупо. Этого нет. А вот сказала – и все...

Интересно, он действительно пошел к Марго? Хотя... почему меня это волнует? Разве я не сама его выставила?

Не найдя ответа, я вздохнула, вспомнила про напрасно включенную плиту и поняла, что пора собираться – через час у меня собственная тренировка, а потом две пары детей.

Воспоминания о работе заставили меня нахмуриться. С некоторых пор мой назойливый поклонник приобрел отвратительную привычку приезжать в клуб и по-хозяйски усаживаться в кресло в углу зала, наблюдая за тем, как я работаю – с детьми, одна или с партнером. Меня это злило, и я однажды заикнулась руководителю, что, мол, нечего посторонним здесь делать, однако он вдруг звонко шлепнул по столу ладонью и категорически заявил, что спонсор имеет полное право наблюдать за работой тренеров. Это сообщение пора-

зило меня – выходило, что старикан просто-напросто купил себе право появляться в моей жизни в любой момент. Разумеется, этого я терпеть не собиралась и на следующий же день решительно выставила нахального деда в коридор. Ничем хорошим не закончилось...

Тем же вечером в душевой вдруг погас свет, я потянулась за полотенцем, собираясь выйти из кабины и посмотреть, в чем дело, но чья-то рука впечатала меня лицом в кафельную стену, а грубый мужской голос прошипел в самое ухо:

– Еще раз рыпнешься, сучка, пеняй на себя.

Из душа хлынула ледяная вода, и за моей спиной раздались быстрые шаги – незнакомец стремительно удалялся. Свет вспыхнул так же внезапно, как погас за несколько минут до этого; я, не обращая внимания на ледяную воду, льющуюся сверху, съехала по стене вниз и заплакала, понимая, что это кто-то из охраны старикана поставил меня на место. Попытался, во всяком случае...

Михаил Борисович, правда, перестал злоупотреблять своим спонсорским статусом, но раз в неделю все же приезжал. Мой партнер Виктор только хмыкал и подкалывал – мол, уступила бы уже, а то мучаешь пожилого человека. За что был неоднократно отправлен по известному адресу, однако шуток своих так и не оставил.

Неприятности сегодняшнего дня не закончились с уходом Алекса – или это он в отместку наслал на меня порчу. Но

так или иначе, я сломала каблук сапога почти на подходе к клубу. Чертыхнувшись, оперлась о ближайшую стену дома, не обращая внимания на грязь, и осмотрела правый сапог. Все, только выбросить... Теперь главная задача – доскакать до клуба, а потом добраться домой. Я могу, конечно, позвонить Марго и попросить ее забрать меня на машине или, на худой конец, просто привезти мне другие сапоги. Пока я размышляла над этим, меня вдруг обняли за талию, и я заорала не своим голосом от неожиданности. Но это оказался Витя, мой партнер. Он только что вышел из остановившегося метра в ста от меня такси и таким образом решил поздороваться. Я подавила в себе вспышку гнева – человек не виноват в моем незадавшемся утре.

– Что, малыш, каблукочек тю-тю? – Виктор присел на корточки и взял меня за щиколотку. – Да уж...

– Сама вижу...

– Ничего, не расстраивайся, за мной вечером приятель заедет, так мы тебя довезем. И давай-ка похромаем до клуба – пока переоденемся, пока разомнемся... Ногу не повредила? – спросил он, поднявшись, и пошел вперед, забросив мою сумку себе на плечо.

– К счастью, хоть тут все в порядке, – я улыбнулась и в тот же момент левая нога, как по волшебству, поехала в сторону. Я судорожно попыталась вцепиться в куртку развернувшегося ко мне партнера, но не успела – нога подвернулась, и я охнула от боли.

– Ну, твою мать! – печально констатировал Виктор, помогая мне встать. – Отменилась тренировка. Как ты так неосторожно, Мэри?

– Погоди, может, пройдет? – жалобно проговорила я, хотя уже и сама понимала, что минимум – растяжение связок, а по факту, скорее всего, вывих – диагноз мне знаком, и как раз эта нога страдала раза три.

Виктор уже ловил такси. Вместо тренировочного зала я оказалась в травмпункте, а чуть позже – дома, с гипсом на ноге. Вывих. Три недели покоя, потом минимальные нагрузки. Черт побери...

Боль была адская, обезболивающие таблетки не помогали, я плакала от злости на себя и от досады. Не выдержав, позвонила Марго. Услышав голос подруги в трубке, я окончательно расклеилась:

– Марго... ты не зайдешь, а?

– В чем дело, Мэрик? – обеспокоенно отозвалась она, и я жалким голосом сообщила:

– Я вывихнула лодыжку... сижу в гипсе, даже до кухни не могу доковылять – больно...

Марго ахнула и тут же бросила трубку. Ключ от моей квартиры у нее был, поэтому я могла не вставать с дивана. Подруга появилась через десять минут в домашнем красном кимоно, с капустным пирогом на тарелке и контейнером винегрета. О Марго – волшебница...

– Спасибо, родная, – прочувствованно сказала я, когда

она поставила все это на столик и присела рядом со мной на диван.

– Не за что, – отмахнулась Марго, отдергивая плед и рассматривая гипс. – Как тебя угораздило?

– Сломала каблук, а потом равновесие не удержала, и вот...

– Да уж, – протянула она. – И как ты теперь будешь?

– Пару дней отлежусь, потом начну потихоньку ходить.

Это заявление сразу настроило Марго на воинственный лад – она встала, уперла руки в бока («руки сахарницей» – так она сама называла эту позу) и спросила:

– А больше никаких планов нет? Может, я тебе сразу ролики подарю – начнешь кататься?

– Марго... – но она не слушала.

– Я так давно Марго, что уже и не помню! И не съезжай с темы, а слушай меня – никаких телодвижений, пока врач не позволит!

Я не стала спорить дальше: бесполезно. Она вообще мягкая и податливая по характеру, однако если вдруг начинает упираться, то все – никакие уговоры, доводы, споры и капризы не действуют. Даже мои.

У меня на языке вертелся вопрос, но я не решалась его озвучить и все пыталась по каким-то внешним признакам определить, был ли у Марго Алекс. Но она выглядела совершенно обычно – так же, как вчера, позавчера, неделю назад.

– Мэри... я не хочу тебя пугать, – вдруг начала Марго ка-

ким-то странным тоном, и я мгновенно поняла: да, вот оно – был. И явно наговорил – или наделал – чего-то.

– Я знаю, Марго.

Ее брови, всегда идеально ухоженные и подведенные волосок к волоску, удивленно изогнулись, придав круглому лицу Марго выражение растерянности и изумления одновременно. Она помолчала, словно собираясь с мыслями, и, порывисто взяв меня за руку, заговорила вполголоса:

– Мэри... Мэри, родная, я умоляю тебя – будь осторожна. Он ведь приехал за тобой, он мне сам сказал...

– Что – опять??? Глупости! – решительно отвергла я и потянулась за мундштуком. – Глупости, Марго. Он может говорить все, что ему заблагорассудится, но мы-то знаем, правда? А знаем мы, что я никогда его не интересовала в той степени, в какой ты. И та женщина, ради которой он совершает свои «хазарские набеги» в Россию, это ты, Марго. Так что не обманывайся, дорогая. Я тут ни при чем.

Марго вдруг затрясла головой мелко-мелко, зажала руками уши и пробормотала:

– Не говори, не говори этого! Это неправда! Я замужем, Мэри, у меня муж – ты забыла?

– Когда это нашему Господину Призраку мешал столь незначительный факт? – усмехнулась я, чувствуя внутри такую тоску, что захотелось взвыть и убежать в ванную, чтобы там поплакать наедине с собой. Но гипс на ноге лишал меня даже такой мелочи, как слезы в одиночестве.

Зато заплакала Марго, удивив меня. С того дня, как в ее жизни появился Джеф, она все время улыбалась, во всяком случае, когда он был рядом, пребывала в прекрасном настроении и вообще стала уравновешенной и спокойной.

– Ну что с тобой? – Я притянула Марго к себе, прижала к груди ее голову и прижалась губами к затылку. Тонкий запах духов напомнил мне о прошлом – это были мои любимые духи, и именно мой флакон был у Марго первым, я подарила ей. – Не плачь, Марго...

– Мэри... Мэри, ты до сих пор не понимаешь, да? – прорыдала подруга, обхватив меня руками. – Не понимаешь – он никогда не отпустит ни меня, ни тебя – что бы ты ни говорила! Он будет держать нас на поводках, как болонок, – на всякий случай!

– Нет, Марго. Я не болонка. И насиделась на поводке в свое время. Больше не хочу.

В ответ раздался смех, и я вздрогнула, потому что смеялась не Марго. Это хохотал Алекс, привалившись спиной к дверному косяку и откинув назад голову. Похоже, ключом от моей квартиры он тоже запасся, я отметила это про себя. Опять придется менять замки...

Марго передернулась, как от резкого укола, выпрямила спину и спешно вытерла мокрые глаза. Алекс перестал смеяться так же внезапно, как начал, по-хозяйски прошел в комнату и уселся в кресло у окна, закинув ногу на ногу.

– Вы в своем репертуаре. Слезы, сопли и проклятия. Ни-

как не можете меня не обсудить и не осудить. Что с твоей ногой, Мэри?

– А ты не знаешь? – огрызнулась я, и он криво улыбнулся.

– Подозреваешь, что это я?

– Смешно.

– Не смешно, – согласно кивнул Алекс. – Так что с ногой?

– Вывих.

– Понятно.

Воцарилось молчание. Я курила, Марго нервно сжимала в руках салфетку, которой был накрыт до этого пирог. Алекс наслаждался моментом – еще бы, снова он хозяин положения, а мы с Марго – лишь жалкие статистики, марионетки, послушные его гибким пальцам. Ох, он еще не подозревал, что произойдет через минуту...

Звонок в дверь нарушил наше молчание.

– Марго, открой, пожалуйста, – попросила я, и Марго вышла в прихожую.

Послышалась возня, потом вскрик моей подруги, на который сразу кинулся Алекс, но тут же, пятясь, вернулся в комнату с чуть приподнятыми вверх руками. Следом за ним вошел огромный амбал в сером костюме. В левой руке его был пистолет, дуло которого аккуратно упиралось в лоб Алекса. Я в меру возможностей подтянулась на диване и села, обхватив руками задрожавшие колени. Амбал жестом велел Алексу сесть в кресло, и тот подчинился, однако по его прищур-

ренным глазам я видела: ищет момент для броска. Однако амбал прекрасно владел ситуацией и ни на секунду не спускал с него глаз. Марго ввел в комнату второй мужчина, похожий на первого как брат-близнец. Когда Марго тоже усадили в кресло, ко мне вернулся дар речи, и я заорала, совершенно потеряв голову:

– Это что еще за хрень?! Вы кто?!

– Не кричите, Мэри, – раздался из прихожей голос, и я похолодела, ментально расхотев орать и качать права. В комнату неспешной походкой вошел Михаил Борисович с букетом пошлейших белых роз – тех, что совершенно не пахнут и годятся, по моим представлениям, разве что на похороны. Совершенно не смущаясь присутствием посторонних, положил букет на стол, наклонился и взял мою руку, поднося к губам. Краем глаза я видела, как передернулся взбешенный Алекс и как украсилось победной улыбкой лицо Марго.

– Что произошло, Мэри? Мне в клубе сказали, у вас травма, – проговорил он, усаживаясь на край дивана и не выпуская моей руки.

– Да, но...

– Надеюсь, вам сделали все, что нужно? – не обращая внимания на мои «но», продолжал старик. – Завтра за вами придет машина, вас отвезут к моему врачу.

Лицо Михаила Борисовича при этом изображало отнюдь не отцовскую заботу. Он тискал мои пальцы, то и дело подносил их к губам, и я, памятуя о неприятном разговоре в душе

с одним из его амбалов, не решалась выдернуть руку. Алекс брезгливо кривился в кресле, и я почти физически ощущала, как сильно он разочарован во мне – я никогда прежде не позволяла кому-либо делать то, что мне неприятно. Но Борисыча я ощутимо боялась. Даже не знаю, дело в его охранниках или в чем-то еще.

Старик, казалось, не замечал ни охраны, ни Алекса, ни Марго – он наслаждался моей растерянностью и беспомощностью, дотянулся второй рукой до лица и бродил теперь пальцами по щеке, по шее, спускаясь все ниже.

– Уберите руку, – не выдержала я, и он, внимательно глядя мне в глаза, на какое-то время вообще задержал ладонь едва ли не на груди. Я прикусила губу, зажмурилась и начала считать про себя до десяти.

Борисычу, кажется, надоело, и он, убрав руку, повторил фразу о машине и враче.

– Это лишнее...

– Мэри, Мэри... консультация хорошего специалиста лишней не бывает. – Он встал с дивана, развернулся к двери и мимоходом заметил: – Надеюсь, я не очень испугал ваших гостей? Молодой человек, в другой раз не высказывайте с такой прытью, охрана может не сориентироваться, – это относилось напрямую к Алексу, и тот взбесился окончательно, но взял себя в руки, видимо, оценив шансы, и позволил себе только одну фразу:

– Следующего раза не будет.

Михаил Борисович окинул его долгим взглядом, покачал головой и усмехнулся:

– Тут вы правы. В следующий раз они не будут столь терпеливы и деликатны.

Незванные гости покинули квартиру так же быстро, как и появились. Когда дверь захлопнулась, Алекс вдруг рванулся из кресла в прихожую, но Марго что-то сказала ему на непонятном мне языке, и он, дыша тяжело, как после забега, остановился, зашарил в карманах в поисках зажигалки.

– Кто это? – Он метнул в меня тяжелый пронзительный взгляд, но я выдержала.

– Где? – невинно осведомилась я.

– Мэри – я ударю тебя! – прошипел Алекс, закуривая. – Я спросил – кто это был? Этот старик с охраной – он кто?

– Какой-то хрен из мэрии, я в этом не разбираюсь.

Лицо Алекса сперва выразило крайнюю степень удивления, но совсем скоро это сменилось брезгливой гримасой.

– Да-а-а, Мэри... Вот не думал, что ты опустишься до такого – тебя лапает старый дед с солидным положением! Хорошо платит? Или у вас... ха-ха... по любви? – оскалился он.

Я вспыхнула, уже пожалев, что начала опять играть с Алексом в наши никому не понятные игры:

– Это не твое дело!

– Не мое, – согласно кивнул он, глубоко затянувшись сигаретным дымом. – Разумеется, не мое. Но ты не задумывалась никогда – а зачем я постоянно оказываюсь рядом с то-

бой? Зачем я бросаю свои дела и лечу куда-то, чтобы помочь тебе? Так, может, это все-таки мои дела, а, Мэри?

– Я не прошу тебя ни о чем! Я вообще не хочу тебя видеть – никогда, и прямо сказала тебе об этом еще год назад! Но нет – ты не согласен, у тебя свой сценарий, ты сам решаешь, кого и когда отпустить, оставить в покое, убить! – Меня трясло, как от озноба, я дотянула плед до подбородка и пыталась согреться. Но это была нервная дрожь, от которой не так просто избавиться.

Алекс разглядывал кончик сигареты и вроде как не слушал меня, думая о своем. Марго, застывшая в дверях, оттолкнулась от косяка и подошла ко мне, села рядом и обняла за плечи. И вот тут Алекс встрепенулся, резанул нас острым взглядом и негромко велел:

– Марго, встань туда, где стояла.

– Зачем? – В голосе Марго я вдруг услышала что-то новое, чего прежде никогда не было в ее разговорах с Алексом. Она сопротивлялась, и я всем телом чувствовала это сопротивление – каждая мышца Марго превратилась в натянутую резину, готовую вот-вот разорваться.

– Я же сказал.

– Ну и что?

Я перевела взгляд на Алекса и вдруг поняла все. Он не мог управлять нами обеими, когда мы находились так близко друг к другу. Не мог – и потому старался разорвать нас, разделить, чтобы иметь возможность контролировать каждую

отдельно. Действительно – а ведь он никогда не давал нам в своем присутствии даже сесть близко друг к другу, а уж вот так слиться в одно целое – тем более. Вдвоем мы оказывались сильнее. Так, значит, вот чего боится Господин Призрак – того, что мы с Марго сможем противостоять ему. И вот почему он так старался растащить нас по разные стороны границы...

Марго год назад совсем вышла из-под его контроля, сняла невидимый наручник, сковывавший ее с Алексом много лет. А мою руку ему так и не удалось поймать, хотя он старался. И, значит, теперь почувствовал, что ниточки уже не в его руках. Теперь не он пишет сценарий. Не он – а я. Я – потому что практически все написанное мной в последнем романе сбывалось с точностью до буквы, до секунды. Уж не знаю, как так выходило...

Марго и Алекс сверлили друг друга взглядами, и вдруг – о чудо! – Господин Призрак с ухмылкой, в которой явственно проступало недоумение, отвел глаза. Сделал вид, что стряхивает пепел с потухшей сигареты. Марго победила. Ее руки, по-прежнему сжимавшие меня в объятиях, чуть расслабились, дыхание стало ровным и совсем спокойным. Лицо Марго чуть порозовело от напряжения, но этот румянец сделал ее только красивее. Она успокаивающе погладила меня по плечу и проговорила:

– Ты злоупотребляешь гостеприимством, Алекс. Тебе пора.

– Я никуда не тороплюсь, – отрывисто бросил он.

– И это не значит, что ты будешь находиться здесь, – про-резался голос у меня, и я изрекла свой вердикт твердо и безапелляционно.

– И ты туда же? – Изогнув бровь, Алекс смотрел на меня так, словно видел и слышал впервые. – Что-то я не заметил в тебе этой прыти, когда старичок решил тебя приласкать, – не удержался, разумеется, от колкости в мой адрес. – Не понимаешь, что, если я уйду, вы обе сдохнете?

– Не льсти себе, – я проглотила пилюлю про Борисыча, мечтая только о том, чтобы сейчас Алекс встал и ушел. Мне было невыносимо его видеть и слышать – после всего.

– Ты увидишь, Мэри, – прошипел он, вставая. – Увидишь очень скоро. И тогда – если ты, ты сама попросишь меня, – я вернусь и помогу вам. Но не раньше! И только на этих условиях. Мой номер телефона ты знаешь.

Алекс пошел к выходу, на пороге обернулся и бросил:

– Передай привет мужу, Марго.

В этой фразе прозвучало столько злости, что испугалась даже я – что говорить о Марго, которая после звучного хлоп-ка входной двери, закрывшейся за спиной Призрака, упала ко мне в колени и разрыдалась. Я понимала, почему она так убивается.

– Не надо, Марго. Он ничего не сделает Джефу, – но не было в моем голосе уверенности, я и сама это чувствовала.

Алекс

«Прекрасно. То, что нужно. Не устаю поражаться своему везению. Но девчонка-то какова! Это надо же...»

Он шел по улице и не мог сдержать улыбки. Никогда прежде Алекс не радовался удаче так, как сегодня. Случайный визит в квартиру Мэри принес массу открытий.

Во-первых, сама Мэри. Она неувовимо изменилась. Он до сих пор не мог понять, как именно – но эти перемены определенно пошли ей на пользу. Всегда была забавной злобной зверюшкой, готовой вцепиться в горло даже горячо любимого человека, если вдруг тот посягал на ее свободу, – а сейчас от нее просто искры летят.

Во-вторых, Марго. Марго, его девочка, его боль, его крест. Замужество сделало ее спокойной и уравновешенной, чувствовалось, что ублюдок Джеф смог внести в ее жизнь что-то такое, чего не удалось ему, Алексу, в свое время. Но ничего. Марго – его женщина, так всегда было. Он исправит свою ошибку и вернет ее.

Ну, и в-третьих, самое приятное заключалось в том, что он нос к носу столкнулся с причиной своего визита в Россию. Это было слегка неожиданно, но зато теперь Алекс твердо знал, где и когда может найти этого человека. Ох, молодец, Мэри, так облегчила задачу... Хотя в душе царапнуло – неужели у нее действительно что-то есть с этим старым козлом? У нее – с этим?! Поди разбери этих баб! Правда, лицо у

Мэри было откровенно несчастным. Значит, есть нечто, ему, Алексу, пока неизвестное. Ничего, это временно.

Иногда он думал о том, что происходило с ним в последние годы. С тех самых пор, как Марго втащила в их жизнь эту свою Мэри, все изменилось. Хотя... Если быть до конца честным с собой, то ведь и Марго особо ни при чем – это он сам. Так что несправедливо обвинять Марго. Они с Мэри пережили несколько приятных минут, чего уж... И если бы эта дрянная рыжая колючка не оказалась такой упрямой и своенравной, все могло быть иначе. Но Мэри решила – нет, никогда, и Алекс отступил на время. Ему хорошо известно – не существует этого самого «никогда». На время – Алекс понимал, что, настаивая, только еще сильнее настроит Мэри против себя. А они были нужны ему обе – каждая по-своему.

Мэри

Никогда я не боялась ночевать одна в собственной квартире. Никогда. Однако эта ночь стала форменным кошмаром. Я закрывала глаза и тут же видела сатанинскую ухмылку Алекса. Это было абсолютно невыносимо. Стакан коньяка, опрокинутый залпом, не принес облегчения – видение стало только отчетливее. Я дохромала до кухни и взяла сигарету. Не включая свет, закурила, забившись в угол. Тишина давила на виски, хотелось музыки – громкой, такой, чтобы

заглушила мои мысли. Но ведь – ночь...

Сбросив полотенце с тарелки, на которой еще оставались три кусочка пирога, я неожиданно для себя смела их все, запила холодным чаем, забытым на столе в чашке, и окинула темную кухню взглядом в поисках еще чего-нибудь съестного. Со мной случались такие ночные «припадки», когда после сильного волнения или какой-то неожиданной ситуации я уничтожала все, что можно найти в холодильнике. К счастью, это никак не отражалось на моей фигуре. И если уж быть до конца честной, то в холодильнике обычно мало что можно найти по причине моей вечной занятости. Если бы Марго не следила за тем, что я ем, то, наверное, я забывала бы об этом совершенно. Она же, не будучи обременена необходимостью сидеть в офисе, занималась домашним хозяйством, готовила и всегда приносила что-то мне, если вдруг я не могла зайти к ним после тренировки. Единственное, что никогда не выводилось в моем доме, это абрикосовое варенье. Намазав им найденный в хлебнице относительно пригодный кусок хлеба, я окончательно успокоилась, выкурила еще сигарету и поковыляла в сторону спальни.

Следующие две недели я провела в буквальном смысле слова в осаде. Начать с того, что ко мне регулярно заезжал Михаил Борисович с охраной. Я заперла дверь изнутри на все замки, набросила еще цепочку и вообще прекратила подходить к ней. Глядя в окно, убеждалась, что это он. Я пе-

рестала отвечать на телефонные звонки, потому что объясняться тоже не хотела. Марго купила мне новую симку для мобильного, и я со спокойной совестью выбросила прежнюю, сообщив новый номер только партнеру и родителям своих воспитанников.

Алекс не появлялся больше – зато пару раз позвонил Марго, и она после этих звонков приходила ко мне больная и измученная тревогой за мужа.

– Скажи Джефу! – настаивала я, но Марго упрямо мотала головой и отказывалась.

– Нет, Мэрик, не буду. Как ты не поймешь, что мне просто стыдно, что бывший муж лезет в мою жизнь, распоряжается, угрожает и вообще ведет себя как идиот?

Я на самом деле не понимала: что такого, если Джеф узнает об угрозах Алекса? Наоборот – он сможет хоть как-то просчитать возможные шаги, ведь не зря они работали вместе столько лет. Однако подруга моя стояла на своем. А уж упрямства у нее почти столько же, сколько и у меня.

Настойчивость поклонника стала пугать меня. После маниакального преследования Кости я хорошо знала, чем заканчиваются подобные ухаживания – едва осталась жива, просидев достаточно большой срок взаперти в доме мужа. Разумеется, я не думала, что пожилой мужичок, восплававший ко мне страстью, способен на подобное, но и ощущение собственной незащитности мне совершенно не нравилось.

Если бы знать, как сильно я ошибалась в отношении ста-

рого чудовища...

Михаил Борисович начал подъезжать к зданию клуба аккуратно в тот момент, когда я заканчивала работать. Разумеется, я проигнорировала запрет врача на тренировки и после снятия гипса вышла на паркет. Привыкшее к нагрузкам тело сразу включилось в процесс, и, хотя нога по вечерам заметно опухала и болела, я быстро восстанавливала форму. Единственное, что меня нервировало, – вот эти визиты престарелого ловеласа. Я изо всех сил старалась держаться в рамках и разговаривать максимально корректно, однако Михаил Борисович становился все более настойчив и все чаще позволял себе вольности вроде поглаживания щеки, например. Меня перекашивало, я шипела и отпрыгивала, как кошка, и с трудом уговаривала себя не обострять ситуацию – два охранника наблюдали за происходившим. Не думаю, что они остались бы безучастны, реши я отвесить ухажеру пощечину. Они не выражали явной агрессии, но по взглядам я прекрасно чувствовала – нельзя делать ничего, что могло бы эту агрессию вызвать. Им все равно – женщина я или мужчина. А Михаил Борисович уже не ограничивался краткими визитами. Он писал мне по мэйлу длинные пошлые признания в любви, прикладывал туда какие-то жуткие порноснимки, призванные, видимо, убедить меня в том, что он еще о-го-го. Я боялась входить в почтовый ящик, боялась открывать письма, мне казалось, что я вот-вот сойду с ума. Разумеется,

справиться с ситуацией у меня не хватило сил.

Напряжение оказалось таким, что я сорвалась и ушла в трехдневный запой, испугав Марго. Та решительно взялась за меня, вызвала врача из частной клиники, он поставил капельницу, вывел меня из состояния алкогольной эйфории и серьезно сказал:

– Девушка, подумайте о себе. Вы не всегда будете молоды, ваш организм в один момент просто откажется перемалывать весь тот алкоголь, что вы в него заливаете.

Ох, как же мне было стыдно... Действительно, выгляжу настоящей алкоголичкой, да и наследственность у меня та еще. Нет, пора заканчивать.

Марго с той же решительностью собрала все имевшееся в моем доме спиртное и вылила в раковину, не смущаясь ни ценой, ни качеством напитков. Последним шагом по моему отрезвлению явился билет «Москва – Барселона» и квитанция, подтверждавшая оплату однокомнатных апартаментов на месяц.

– Что это? – удивленно рассматривая все это, спросила я, и Марго объяснила:

– Это, малыш, твой отпуск. Отпуск, оплаченный деньгами за последний роман. И не надо говорить, что тебе жаль тратить их на такую ерунду – я просто не желаю смотреть, как ты сидишь тут и убиваешь себя. Поезжай, отдохни и подумай. Возможно, к твоему приезду все как-то утрясется.

Я не стала спорить и возражать.

Оказывается, Испания так и осталась для меня родным домом. Живя здесь, я стремилась узнать и понять ее душу. Очень скоро я стала здесь своей – в том городе, от которого когда-то защемило мое сердце. У меня появились любимые скверы и кафе, привычные магазины и маршруты прогулок, меня узнавали продавцы зелени и оливок, а фрукты без скидок я бы уже и не купила – была постоянной покупательницей и научилась вести с торговцами практически на пальцах быстрые, но расслабленные диалоги о родственниках, праздниках и погоде.

Испанцы встают рано – пока не жарко – и работают до полудня. В двенадцать все лавки и магазины закрываются на сиесту, в редком кафе можно попросить воды или сока – обычно все лениво дремлет в тени. Да и кто будет есть на такой жаре? Примерно часа в три-четыре дня все двери снова открываются – люди идут с работы, покупают продукты для вечерней трапезы, которая здесь, по сути, единственная и главная за день, а значит, возведена в абсолют.

Вечером нарядные пожилые бабушки прогуливаются с собачками и детьми, делятся рецептами паэлья, а многочисленные бары и рестораны, тремя четвертями вынесенные на улицы, горят уютными огнями для тех, кто предпочитает ужинать не дома, а с друзьями на воздухе. Здесь принято встречаться семьями, за одним столом часто легко находят язык представители всех поколений. Самая распространен-

ная картина – несколько молодых подруг с мужьями, детьми, свекровьями ужинают в ресторане. Вокруг них все заставлено колясками, а воздух раскален и буквально звенит от их голосов – разговаривать тихо испанцы, увы, не умеют.

Я же, как и раньше, предпочитала тихие ресторанички у моря. Костя, выросший на берегу Севана, в свое время учил меня правильно есть свежую рыбу и всегда брал кувшин сангрии. Весь этот кувшин он заставлял меня выпивать практически в одиночку – говорил, кажется, все же в шутку, что пьяная я по темпераменту совершенно сливаюсь с испанцами. Мы часто смотрели футбол в любимом баре со старичками-болельщиками, потом шли по торговой улочке, глаза на таких же, как мы, празднующихся гуляк. Сверху с белоснежных балконов, засаженных геранью, за нами наблюдали добродушные и важные испанские бабушки. К слову сказать, со всех балконов на меня привычно смотрела Дева Мария. Ее незримое и спокойное присутствие убеждало меня, что этот мир – мой настоящий мир, мой дом, путь к которому я нашла через столько лет скитаний, – никогда не оставит меня, мне надо просто верить. Если бы не Костя, я никогда не покинула бы эту страну, ни за что не уехала бы, не сбежала. Но муж убил во мне что-то, искромсал мои светлые воспоминания, и даже через несколько лет я так и не смогла воскресить свои чувства.

Вставала я поздно и сразу шла на набережную. Здесь немислимо носить черную или серую одежду, которую я не

снимала дома, в России. Моими привычными цветами стали белый, красный, синий – цвета настоящей морячки. Белые брюки и туфли оставались чистыми даже после прогулки. Я сразу же купила себе мягкую широкополую шляпу и такую же плетеную сумку через плечо – для рынка.

Барселонский рынок Боккерия – одна из главных достопримечательностей города, как ни банально это звучит. Здесь его пульс и настроение чувствуются очень остро. Рынок – мир в мире. Особенно рынок южный, испанский. О нем можно написать роман в романе, но ведь у нас совсем другая история, да? Возможно, когда созрею, непременно использую это в одной из своих книг, кто знает...

Я всегда покупала сыр, пристрастившись даже к овечьему, овощи-фрукты, иногда мясо. И обязательно – свежую рыбу. Готовить я ее правильно не умела, но быстро научилась нехитрым приемам – лимонному соку и соли. К слову сказать: я так и не полюбила испанскую кухню по-настоящему и продолжала готовить по наитию из местных продуктов совсем простые блюда – жарила мясо, запекала на решетке рыбу, тушила овощи. Для меня, природной лентяйки, готовить для себя одной равносильно подвигу, однако здесь я даже не замечала, сколько времени трачу на обед или ужин: это приносило мне удовольствие.

Рынок находится как раз рядом с главной рамблой всей страны – эдакий живой южный вариант московского Арбата. Сюда я всегда заходила за цветами, покупая их у одной и той

же женщины – тучной бразильянки. У нас с ней не было ни одного общего языка, но она сумела рассказать мне, что в Бразилии у нее остались дочь и зять, дочь у нее – повар, а зять ничем не занимается, даже не ловит рыбу – только поет. Рядом с ней стоял человек неведомой раньше мне породы – птичник. По всей улице стояли торговцы живым поющим товаром в клетках. Барселонцы покупали птиц, как и цветы, – часто для удовольствия, в подарок или просто для радости. В моем детстве этот процесс был сложным, назывался «завести животное», часто сопровождался детскими слезами и разговорами об «ответственности». Здесь же слово «ответственность» отсутствует как в языке, так и в людях – слово, подразумевающее что-то тяжелое, просто не находит себе места в их сердцах, под этим соленым солнцем.

Ветер дул с моря постоянно – и даже мне, не умевшей отдыхать, здесь легко и свободно. Ветер задирает скатерть, уносит то салфетку со стола, то мою шляпу – а я не злилась, не раздражалась, впервые в жизни поняв, что эти мелочи лишней раз заставляют улыбнуться, но не более. Тот ресторанчик, куда ходила ужинать, я мысленно называла «поплавок» – он находился на самом краю пляжа, к слову сказать – пляжа довольно нового, так как раньше у Барселоны – страшно подумать! – не было никакого пляжа, только порт.

Я проводила дни совершенно бездумно. Я даже забыла о том, что где-то есть Москва, где-то на сером холодном ветру у меня остались Марго и Джеф, партнер Виктор и мои под-

опечные, которых теперь он вынужден тренировать один.

Здесь же были легкие цветные браслеты, истертые песком ноги, постепенно раскрывающееся свободное осознание того, что все в мире бывает по-разному. Надо только понять и захотеть. Очень сильно захотеть. Стоя ночью на маленьком, закрытом от чужих глаз балконе, я смотрела на огни города, который никогда не смогу понять, которому я не нужна, но который так жадно люблю и желаю быть принятой – вместе с прочим мелким морским мусором – ракушками, огрызками, бумажками, заодно и со случайными девочками-мечтательницами, возжелавшими быть особенными, другими, проскочить через сито времени и пространства вместе с песком, не замеченными строгим взглядом неумолимой судьбы.

Мысль о том, чтобы вернуться сюда, не приходила в мою голову – я прожила этот этап жизни. Ничего невозможно прожить дважды. Любить Барселону отныне я буду издали.

Алекс

Он часто видел ее в маленьком ресторанчике на набережной. Белая широкополая шляпа, свободные брюки, длинная футболка, босоножки, темные очки в пол-лица... Неизменный мундштук, чашка кофе и изредка – бокал красного вина. Мэри выглядела обычной туристкой, отрешенно наблюдавшей за морскими волнами. Алекс нарочно выбирал в ресторане такое место, откуда ему хорошо была видна Мэри,

но ей не виден он сам, и часами сидел с чашкой кофе. Искушение подойти к ней иногда бывало столь велико, что приходилось буквально приказывать себе не делать этого. Ему никак нельзя контактировать с ней – мало ли, каким образом Мэри попала сюда, на чьи деньги, с кем. Правда, он хорошо помнил ее принцип не одалживать ни у кого и – уж тем более – не жить за чужой счет. Но осторожность все же не мешала. Алекс знал, что живет она в однокомнатных апартаментах во втором этаже довольно старого дома, часто сидит вечерами на балкончике, увешанном горшками с геранью, курит и пишет что-то, нахмутив лоб и сосредоточенно глядя в монитор. Он развлекался тем, что устраивался на чердаке дома напротив с биноклем и пытался рассмотреть текст, черной мошкаррой усеивавший белое пространство экрана.

Мэри ни с кем не общалась, никому не звонила, выходила из дома после полудня, бродила по рынку или просто бесцельно шаталась по набережной, иногда заворачивая в ресторанчик перекусить. Судя по всему, она была тут одна и просто отдыхала. У хозяйки пансиона Алекс аккуратно вызнал, что апартаменты оплачены на месяц, у девушки никто не бывает, и вообще – сеньора Мерседес очень довольна своей квартиранткой.

«Значит, действительно решила отдохнуть», – заключил он, испытав странное облегчение от полученного подтверждения: у Мэри действительно никого нет.

Он думал о ней часто – наверное, гораздо чаще, чем хотел

бы, однако никак не мог определиться в собственных чувствах. Назвать их любовью он не мог, дружбой – не хотел. Но и потерять боялся. Возможно, за время знакомства он просто свыкся с мыслью, что в его жизни, кроме Марго, появилась еще одна составляющая, еще один объект заботы и постоянной тревоги. Возможно, что настойчивая холодность Мэри будила в нем протест здорового самца – как так, нашлась женщина, не упавшая к его ногам, не готовая принести себя в жертву, не желающая быть игрушкой. Как бы то ни было, Алексу никогда не приходила в голову мысль о том, что о Мэри можно просто забыть.

В Испании он наткнулся на нее совершенно случайно. Приехал в Барселону по делам и вдруг в один из вечеров прямо на набережной едва ли не нос к носу столкнулся с ней. К счастью, Мэри была погружена в свои мысли и даже не заметила его, не узнала. Зато сам Алекс здорово напрягся по этому поводу. Казалось невероятным, что Мэри, которую он с такой кровью вырвал из этой страны не так давно, снова вернулась сюда. Неужели хотела побывать там, откуда едва выбралась живой? Или...

Догадка посетила его ночью, Алекс сел в постели, как подброшенный вырвавшейся из матраса пружиной, нашарил сигареты и закурил. Неужели она знает?! Знает – и затеяла игру, чтобы... О черт! Только этого не хватало – чтобы противницей в операции оказалась Мэри! Этого просто не может быть!

Мэри

Вернувшись из Испании, я почувствовала неожиданный прилив сил и желание танцевать. Мы с Виктором начали готовить новую программу своим деткам, а заодно поставили и себе пару свежих номеров. К тому же была причина. Виктор попросил помочь ему и отработать несколько концертных номеров в одном из ночных клубов. Ну, что ж – дополнительные деньги еще никому карман не оттянули.

Ночной клуб находился довольно далеко от дома, Виктор заехал за мной на машине часа за три, пробки, правда, уже схлынули, но нам нужно было еще прорепетировать, привыкнуть к сцене. Всю дорогу я дремала, заткнув уши наушниками плеера и плавая в волнах нового альбома популярной группы, исполнявшей танго. К сожалению, танцевать нам предстояло все-таки латину – румбу, чача-ча и пасодобль, но бог с ним, оттанцую что просят.

Меня весь день не покидало странное ощущение, будто что-то произойдет. У меня часто бывало такое – я предчувствовала какие-то события, и они непременно происходили. Но сегодня вроде бы ничто не предвещало – обычное выступление в ночном клубе, какие могут быть происшествия? Разве что каблук сломаю...

Переодевшись в латинское платье и натянув поверх него спортивные брюки и кофту, я поправила гетры и посмотрела

на заканчивавшего прическу Виктора:

– Ты с бриолином не погорячился?

– В смысле? – не отрывая взгляда от большого зеркала, проговорил он, тщательно выверяя пробор.

– Блестит голова, как салом смазанная, – фыркнула я.

– И что? Это клуб, тут свет другой, хочется, чтобы все было ярко. Ты бы, кстати, с макияжем что-то сделала – бледновато накрасила глаза, не будет четкости.

– Ой, Вить! Кому это надо, а?

– Мне! – отрезал он неожиданно жестким тоном, и я вдруг поняла, что от этого выступления мой партнер ждет каких-то дополнительных бонусов, а потому трепетно относится даже к мелочам вроде моего макияжа.

Ну, что ж – значит, сделаю так, как он хочет. Мне было прекрасно известно, что Виктор живет один, но вынужден помогать старшей сестре, которая очень больна и нуждается в постоянном уходе. Сиделка стоит приличных денег, а потому Виктор старается заработать везде, где только возможно. Мне вдруг стало стыдно за то, что я, как всегда, думаю только о своем удобстве, своих амбициях, крайне редко обращая внимание на окружающих и их проблемы. Мой отказ выступить в турнире лишний раз подтвердил это – там была возможность заработать хоть что-то, а я уперлась и твердо сказала: «Нет, не буду». Виктор тогда смолчал... Господи, нельзя быть такой эгоисткой.

Я решительно схватила косметичку и вынула коробку с

тениями, нанесла щедро на веки, придав лицу вполне устрашающее выражение.

– Вить, помаду какую?

– Красную, – совсем мирным тоном подсказал партнер. – Спасибо, Мэри, – он подошел ко мне сзади, обнял и положил подбородок на плечо, рассматривая меня в зеркале.

– За что? Это работа, и ты прав – ее нужно делать профессионально даже в мелочах.

– Ты умница, Мэри.

Да уж... я, разумеется, умница, но мой эгоизм начисто уничтожает порой все.

...Мы танцевали пасодобль, когда вдруг в зале клуба, битком набитого людьми, появился ОМОН. Люди в масках без объяснений начали усаживать посетителей за столики, а некоторых просто укладывать на пол. Мы остановились, и я почувствовала, как с ног до головы меня окатило ледяным душем – нехорошее предчувствие нахлынуло вновь с новой силой. К нам подошел высокий мужчина в сером костюме и вежливо предложил пройти в примерку. Там он тщательно осмотрел вещи Виктора и взялся за мой кофр. Я спокойно наблюдала за тем, как он выкладывает содержимое на диван, и вдруг напряглась – в руке у мужчины мелькнул белый увесистый пакетик, который – я могла поклясться – он вынул из кармашка, где обычно лежали мои туфли...

– Та-ак... – с иезуитской ухмылкой протянул мужчина,

держа двумя пальцами находку. – Сумка чья?

– Моя. Но я не понимаю...

– Разумеется... – он заглянул в мой паспорт и хмыкнул: – Разумеется, Лей-ла Вагифов-на, – протянул, с каким-то особенным выражением растягивая по слогам имя и отчество, – разумеется, вы этого не понимаете. А я вот понимаю – кокаинчик это, ко-ка-ин-чик! Осталось только выяснить, где вы его взяли и кому собирались передать. Отследим, так сказать, цепочку.

Я рассвирепела – надо же, нашел наркоторговку! Даже выслушать не хочет, твердо уверен, что не ошибся. Откуда взялся этот кулек, господи?! И Витька смотрит так, словно верит этому менту, а не мне...

– Что за бред?! Дверь в примерку не запирается, сюда мог войти кто угодно!

– Конечно, Лейла Вагифовна! – подхватил мент. – И из двух висящих сумок выбрать именно вашу!

– Что?! – Я отступила на шаг, уперлась бедром в высокий примерный столик, чтобы не упасть – ноги ощутимо тряслись. – Вы хотите сказать, что я вру?

Мент ухмыльнулся, но взял себя в руки, перешел на официальный тон:

– Я хочу сказать, Лейла Вагифовна, что в вашей сумке с костюмами...

– В кофре, – машинально поправила я, и он, чуть сбившись, продолжил:

– Пусть так – в кофре. Так вот, в вашем кофре обнаружен пакет с белым порошком. Вряд ли вам удастся доказать, что это тальк. Что, по-вашему, Лейла Вагифовна, я должен делать?

– Искать того, кто его мне положил.

– погоди, Мэри, – вмешался вдруг молчавший дотоле Виктор. – Не горячись, я думаю, что сотрудники разберутся...

Я повернулась в сторону партнера, раздула ноздри и, уперев руки в бока, поинтересовалась:

– Ты только сейчас вошел? Или все-таки слышал, о чем говорил многоуважаемый сотрудник? Он же свято верует, что порошок в пакете, чем бы он там ни оказался, принадлежит мне! Мне – потому что я Лейла Вагифовна Манукян, что гражданин сотрудник подчеркнул в своей короткой речи уже не менее пяти раз? А это априори делает меня потенциально подозреваемой!

Сотрудник наблюдал за нами с интересом, а потом вдруг вклинился:

– А можно вопрос по ходу? Почему ваш партнер зовет вас другим именем, Лейла Вагифовна?

– Это мой псевдоним. Можете запросить документы в федерации танцевального спорта – я Мэри и как танцовщица, и как тренер, – отрезала я, и мент умолк, а я возблагодарила бога за свое умение виртуозно врать.

На самом деле вопросы о двойном имени всегда приводи-

ли меня в состояние легкой паники. Я боялась, что когда-нибудь проколюсь, не сумею вовремя удержать язык на привязи и брякну что-то лишнее. Кроме того, меня всегда пугала перспектива быть опознанной как Мария Лащенко, которая по документам уже давно мертва. Я потому и отказалась в свое время участвовать в турнирах – из-за боязни быть узнанной. Объяснить это Виктору я не могла, а потому обставила все как капризы взбалмошной девицы, привыкшей к тому, что ее прихотям потакают. Не знал Витя и того, что его партнерша Мэри и французская писательница Мэри Кавалье – одно лицо. К счастью, мои романы не переводились на русский и в России не продавались. В общем, я по привычке до предела запутала все и жила как в паутине, сотканной из лжи, страха и недоверия. Только с Марго я могла быть откровенной и не опасаться ничего. С ней – и еще, может, с Алексом в те моменты, когда он решал, что хочет общения со мной.

– Придется вам проехать с нами, – оформил наконец конечную цель мент и взял меня под локоть.

– Я могу хотя бы переодеться?

– Не стоит. Теряем время, то-се... если будет необходимость, в управе и переоденетесь.

Он забросил на плечо мой кофр и снова взял за локоть.

– Мэри, куртка, – Виктор заботливо накинул кожанку мне на плечи.

– Позвони Марго, – только и успела проговорить я, буквально выдергиваемая из гримерки сильной рукой мента.

Надежда на то, что подружка сможет сделать что-то, была призрачной, но все же исключать ее не стоило. Когда касалось меня, Марго становилась упорной и решительной даже в мелочах.

Я не помнила задаваемых мне вопросов, тщетно пытаюсь оттереть от пальцев черную дрянь, которой их покрыли, когда снимали отпечатки. Где-то в самом углу подсознания шевельнулась опасливая мыслишка, что вот по отпечаткам как раз и можно идентифицировать меня, но тут же исчезла – я никогда не переступала порога милиции, и эта процедура для меня в новинку. Разговаривавший со мной пожилой мужчина с усталыми серыми глазами только вздыхал, замечая, что я даже не вникаю в суть разговора, и, в конце концов, не выдержал:

– Что же вы, девушка, помочь себе не хотите, а только усугубляете? Ведь получите лет семь – вам оно надо? Колония – не сцена, там порядки и нравы другие.

– А что вы знаете о нравах в танцевальных раздевалках? – Я прищурилась и поправила выбившуюся из залакированной прически прядь. – Знаете, как стекло толченное в туфли закладывают и супинаторы режут? Или у платья лямки подрезают?

– Эх, девочка, – снова вздохнул следователь. – А как личико сродни твоему заточенной ложкой вдоль и поперек расписывают только за то, что кобла с интересом посмотрела?

Я подавилась словами и умолкла. Мне всегда казалось, что я-то знаю в этой жизни уже все, и хуже знаний уже не будет, ан нет. Тюрьма... с ума сойти можно – я в тюрьме! Ни за что!

– Мне действительно нечего вам сказать, – заговорила я дрожащим голосом. – Я не имею никакого отношения к этому пакету.

– Кофр ваш?

– Мой, но...

– Но порошок не ваш, – закончил за меня следователь. – Понятное дело. Лейла Вагифовна, тогда ищите того, кто вам его подбросил – это все, что я могу сказать. Хотите честно? – Он подался вперед, навалившись грудью на стол, и зашептал: – Я не верю, что это ваш кокаин. Не верю. У вас слишком открытый взгляд и слишком натуральный испуг, – его прервал телефонный звонок. – Да, я. К кому? Да, у меня. Уже отпускаю. Хорошо, под мою ответственность сюда ее впусти-те. Да, – положив трубку на рычаг, следователь помолчал, а потом негромко сказал: – К вам приехала подруга, я распорядился впустить. Как вы понимаете, мог бы не делать этого, но вы мне внушаете доверие. Я уверен, что все окажется так, как вы и сказали – кокаин не ваш.

– Спасибо, – прошептала я, стараясь не расплакаться – иначе тушь растечется, отлетят наклеенные ресницы, грим пойдет прахом, а снять его полноценно здесь просто нет возможности.

Следователь распахнул дверь, и в кабинет ворвалась Марго в черной ветровке и таких же джинсах. Поверх воротника наскоро намотан голубой палантин, волосы растрепаны, губы не накрашены – торопилась. Увидев меня в полной боевой раскраске и концертном костюме, она вдруг заплакала, прислонившись спиной к стене. Я подошла вплотную и прижалась к ней, уткнувшись лицом в грудь, обтянутую черной шерстяной водолазкой. На каблуках я была почти одного роста с нею. Марго машинальным жестом погладила меня по затылку, поправила выбившуюся прядь:

– Мэри, что произошло? Как ты оказалась тут? – чуть отстранив меня и заглядывая в глаза, спросила подруга.

– Не поверишь – за кокаин взяли.

– За... что?! – в ужасе выдохнула Марго. – Ты что же – снова?! Ведь ты обещала!

– Ш-ш-ш! – Я вцепилась пальцами в ее запястье так, что Марго чуть слышно ойкнула. – Не говори лишнего, хорошо? Я тут ни при чем, а кокса там было явно не на одну «дорожку»! У меня просто нет столько денег, чтобы оптом отовариваться! И я тебе обещала – если помнишь.

Марго пару минут пристально вглядывалась в мое лицо, но я не отводила глаз, потому что говорила абсолютно честно, скрывать нечего.

– Мэри... а что же делать теперь?

– Не знаю. Тут никому ничего не докажешь, даже слушать не хотят. А благодаря моему паспорту они вообще ни в чем

не сомневаются. Спасибо, удружил! – со злой досадой бросила я, и Марго мгновенно поняла, о ком речь. Это Алекс сделал мне такие документы...

– Я попробую, – не совсем уверенно проговорила Марго. – Вдруг получится...

Она оттолкнулась от стены и вышла в коридор, где все это время смиренно сидел на стуле следователь. Я услышала, как Марго спрашивает у него, где можно найти начальника. Ее шаги удалялись куда-то в глубь коридора, а я с волнением слушала их, боясь, что могу никогда больше их не услышать.

Следователь не сказал мне ни слова, вызвал милиционера, и меня отвели в «обезьянник».

– Так и быть, закрою тебя отдельно от всех, а то как бы чего не вышло – мне только драки не хватало, – добродушно проворчал полный усатый милиционер, открывая мне отдельную «клетку».

В соседней справа гоготали пятеро девиц вполне определенной профессии, а слева пьяно бормотал что-то отвратительный заросший бомж с бородой Деда Мороза. Господи, кто бы сказал мне, что я окажусь в таком месте, в такой компании... Почему я не умею жить без проблем, как все люди?

Я вдруг вспомнила, с какими приключениями выезжала впервые в Англию, в Блэкпулл. Визы мы получили с трудом, Иван несколько раз ездил в Новосибирск, где их оформляли. Особые трудности были со мной – незамужняя девушка, сами понимаете. Но, в конце концов, паспорта оказались в

руках, кофры-чемоданы собраны. Улетать мы должны были через два дня. И вот тут привычка носить с собой все документы сыграла со мной злую шутку.

Я возвращалась домой после тренировки, было уже темно. Моя большая сумка болталась на плече – все как всегда. И вдруг, едва только я повернула в переулок, сильная рука крепко схватилась за ремень и рванула его на себя. От неожиданности я встала как вкопанная и выпустила сумку. Топот убегающего уже стих, когда я пришла в себя и поняла, что вместе с сумкой и кошельком, почти пустым, кстати, лишилась главного – документов и билетов на самолет. Ужас, охвативший меня, невозможно передать словами – с таким трудом получены визы, такой серьезный турнир, мы так готовились – и вот я все спустила в сточную канаву своей собственной глупостью...

Кое-как я доплелась домой, упала на кровать в своей комнате и разрыдалась. Отец, оказавшийся на удивление трезвым, сперва утешал как мог, но потом махнул рукой и объявил, что я дура и «полоротая курица». Поддержал, называется.

Нужно было позвонить Ивану, но я медлила. Если честно – просто боялась его реакции...

Назавтра утром я, как обычно, побрела на тренировку. Ноги не несли – предстоял разговор с Иваном и с тренером. Стоя на остановке, я почему-то принялась изучать объявления, расклеенные хаотично по прозрачным пластиковым

стенам. И вдруг...

«Найдены документы на имя Лащенко Марии Юрьевны, обращаться по телефону...».

Я не поверила своим глазам, так не бывает, не может быть... Лихорадочно записав телефон прямо на пакете с туфлями, я кинулась к ближайшему телефону-автомату. Трубку взяла женщина, выспросила у меня все данные, перечень потерянного и только убедившись, что я это я, назвала свой адрес.

Вместо тренировки я помчалась к этой милой женщине.

Выйдя из ее квартиры, не могла поверить своему счастью. Цело все – оба паспорта, билеты, моя записная книжка – в том самом пластиковом конверте для документов, в котором они и лежали. Нет телефона и кошелька, но черт с ними. И тут... Я как раз проходила мимо мусорных баков, и на земле рядом с одним из них увидела... свою сумку. Определенно это был мой день – в ней оказался даже кошелек, хоть и пустой, косметичка, флакон духов. Получилось, что грабитель лишил меня трехсот рублей и старенького телефона. Я долго не могла поверить в собственную удачу – с таким трудом полученная виза вернулась ко мне.

...В Блэкпулле мы заняли второе место, что для пары из Сибири явилось небывалым успехом. Нам долго не верили, что мы живем и тренируемся не в столице – настолько силен по уровню был наш танец и настолько сложна программа в целом. Но, я думаю, дело было еще и в том, что я, как могла,

старалась «отработать» свое везение, о котором, кстати, не рассказала никому, даже Ивану. Он так никогда и не узнал, что в нашей карьере могло не быть этого турнира и этого призового места.

К вопросу о везении – если бы не оно, вряд ли я была бы до сих пор жива. Сколько раз мне везло в прямом смысле слова – не сосчитать. И даже сейчас, сидя в «обезьяннике», я искренне верила, что и в этой ситуации мое фантастическое везение придет на помощь.

Молодой сержант кидал в мою сторону недвусмысленные взгляды, хмыкал, улыбался и, кажется, совершенно забыл о своих служебных обязанностях. Ну, еще бы – по сравнению со мной даже взятые прямо с «рабочего места» проститутки выглядели скромными выпускницами Смольного института. Концертный макияж, наклеенные ресницы, стразы на лбу, совершенно открытое латинское платье, колготки в сетку и босоножки на одиннадцатисантиметровой шпильке делали меня экзотической птицей, случайно попавшей в грязные силки птицелова вместе с воробьями и воронами. Проститутки, кстати, приняли меня за конкурентку, долго потешались и обещали на выходе «офигенную разборку».

Из приоткрытой двери до меня донесся голос Марго:
– Тогда позвоните полковнику Кондрашину! Я кто? Я его дочь!

Ого... значит, дело дрянь – если Марго решилась на звонок отцу. Интересно, чем все это закончится?

Марго вышла из кабинета начальника отделения с расстроенным лицом, и я поняла сразу – отец не помог. Не захотел. Или не смог – что вероятнее. Так и оказалось. Марго, уже всхлипывая, проговорила:

– Мэрик... они отцу сказали, что давно за тобой наблюдают, что партия крупная...

Еще бы! Мэри – кокаиновая барыга! Тот, кто решил меня упрятать сюда, не поскупился – кокаина нашли около пятидесяти граммов, золотое дно, Клондайк! Мне самой за всю жизнь не употребить...

Если честно, у меня вертелся в голове только один подозреваемый. Алекс. Но умом я понимала – зачем ему? Как раз Алексу такие сложности вообще ни к чему – искать кокаин, толкать его мне в кофр, звонить в милицию... Нет, изобретательный Призрак сделал бы все сам – если бы хотел наказать меня как-то.

– Марго, поезжай домой, – попросила я, глядя с жалостью на заплаканное бледное лицо подруги. – Поезжай, завтра будет новый день, что-нибудь придумается.

– А как же ты? Я не могу оставить тебя здесь... – запротестовала она, но я понимала, что помочь она уже ничем не может, а рассчитывать, что сержант будет долготерпелив и не выведет мою подругу за шиворот, не приходилось. Нам тут и так слишком много позволили.

– Марго, со мной все будет в порядке.

Через десять минут уговоров Марго все-таки уехала, а я

осторожно опустилась на скамью и закрыла глаза. Удалось даже задремать на какое-то время. Разбудил лязг замка и мужской голос:

– Манукян, на выход!

Я встрепенулась и поднялась:

– Куда?

– Домой поедешь.

– То есть? – Я вообще ничего не понимала – как так? Задержали, пятьдесят граммов кокса в кофре. Раз-два – «домой поедешь». Что происходит-то?

– Что – понравилось? – хмыкнул сержант. – Оставайся тогда, договоримся, – он подмигнул, и я разозлилась:

– А не разорвет тебя – если я останусь?

– Ты это... слышь... не борзей особенно-то, – сразу посе-
рзнул сержант. – А то не посмотрю, что из мэрии звонок был, враз закрою суток на пятнадцать.

«Опа... из мэрии, говоришь? Это интересно...»

Но рот я на всякий случай закрыла.

Мне вернули все вещи, и я попросила разрешения переодеться – ну, в самом деле, не ехать же мне домой ночью в концертном платье! Сержант отвел меня в маленькую комнату, где стояли стол и два стула, вышел, но дверь оставил чуть приоткрытой. Да и черт с тобой – любуйся.

Переодевшись, я кое-как затолкала в кофр платье, колготки и босоножки, забросила его на плечо и в сопровождении сержанта покинула помещение. На крыльце он чуть придер-

жал меня за локоть и попросил телефон. Я вырвала руку, окатила кавалера ледяным взглядом, давая понять, что сук он рубит явно не по размеру, и перешла на противоположную сторону улицы. Пять утра, мамочка моя... Как добратся-то? Я находилась где-то у черта на куличках, и в центр отсюда можно было уехать только на такси за бешеные деньги – метро закрыто, а ждать на улице как-то не хотелось. Выбора не было, пришлось поднять руку, едва завидев фары приближающейся машины. К счастью, это оказался пожилой мужчина, который не «бомбил», а ехал домой из командировки. Нам оказалось почти по пути – настоящее везение в качестве компенсации за неудачный день.

Я забралась на заднее сиденье «Волги» и попыталась не задремать, чтобы уж дома рухнуть в постель и выспаться как следует.

В окне кухни Марго горел свет – она никогда не выключает на ночь бра над столом, уж не знаю, по какой причине. Это почему-то успокоило меня окончательно, и я поспешила к себе.

То, что я увидела, открыв дверь, повергло меня в еще больший ужас, чем задержание. В квартире все было перевернуто, вещи из шкафов вывалены на пол кучами, книги, диски – все валялось там и тут. Мне даже не пришло в голову позвонить в милицию – я просто села на пол в коридоре и разрыдалась. Я так мечтала об отдыхе – а теперь нуж-

но разбирать эти завалы. Кто был здесь, что искал? Что у меня можно взять, кроме достаточно дорогого ноутбука? Но он стоит на столике, разве что сдвинут на самый край. Наревевшись всласть, я с тяжким вздохом поднялась, сбросила куртку и принялась за уборку, окончившуюся только к восьми утра. Решив, что с меня довольно потрясений, я позволила Виктору и попросила подменить меня на тренировках у детей. Когда он попытался выяснить причину, я, потеряв самообладание, заорала, что это не его дело, и бросила трубку. Ничего, отосплюсь, извинюсь – не свалится корона.

Стоя под теплым душем, я наслаждалась ощущением чистоты после отвратительного времяпрепровождения в отделении милиции и последующей незапланированной генеральной уборки. Господи, как же это все ужасно... никогда не думала, что придется пережить подобное. Но тоже опыт...

Алекс

Он следовал за машиной Марго по переулкам, стараясь не попасться на глаза. Куда это она направилась с такой скоростью? Пролетела мимо него, едва не сбив с ног, и даже не узнала, не заметила, прыгнула за руль и понеслась куда-то.

Когда машина Марго остановилась у здания УВД, Алекс напрягся – что ей делать здесь? Что такого натворила Марго? Или...

Догадка напрашивалась сама собой – Мэри. Только

неприятности у Мэри могли заставить Марго нестись куда-то с такой скоростью. Чертова девка умела организовать сложности всем вокруг – и Марго в первую очередь. Алекс наблюдал за ними вот уже пару недель, с тех пор, как снова вернулся сюда. Некоторые открытия его откровенно веселили. Марго взяла на себя роль добровольной помощницы по хозяйству, сумки, которые она приносила из магазина, казались неподъемными. Она ходила в квартиру Мэри как в собственную, убирала там, стирала, готовила. А Мэри – танцевала. Танцевала с утра до ночи, тренировала детей и тренировалась сама. Алекс часто наблюдал за ней, видел, как она выходит из клуба поздно вечером, как устало бредет, ссутулив плечи, домой, иногда спускается в метро – очевидно, когда совсем не имеет сил пройти пешком пару кварталов. Несколько раз он оказывался прямо у нее за спиной в вагоне, стоял и вдыхал знакомый аромат духов, видел непослушную прядь волос на затылке, закрывал глаза и вспоминал их последнюю ночь, проведенную вместе. Смешно – вторую и последнюю одновременно. Это оказался самый бестолковый роман из всех.

Мэри

Телефон на тумбочке заголосил именно тогда, когда лично мне и думать еще не хотелось. Нашарив трубку, я сонным голосом пробормотала «алло», заранее проклиная зво-

нившего, кем бы он ни оказался.

– Здравствуй, Мэри. Как твоё самочувствие? – О черт, только не это...

– Послушайте, Михаил Борисович, вам в самом деле нечем себя развлечь? – Я села, натянув на себя одеяло, – в комнате из-за открытой настежь форточки было зябко.

– С чего ты взяла, что я развлекаюсь? Мне хочется общения с красивой умной женщиной – почему я должен себе в этом отказывать?

Я не могла понять – он идиот или впал в маразм? Какое время, с кем он собрался его проводить? Со мной? Придурак...

– Вам не приходило в голову, что мне совершенно неинтересно ваше внимание?

– Мэри, я слишком уже стар и привык, что женщины на первых порах всегда ведут себя подобным образом. Но поверь – стоит тебе хоть раз согласиться, и ты изменишь своё отношение ко мне.

– Н-да? С чего бы вдруг? – Мне стало весело. Старичок-то того, с завышенной самооценкой.

– Ты просто подумай о перспективах.

– Я вас умоляю! О каких перспективах я должна думать?

– Брак со мной мог бы стать для тебя полезным во всех отношениях.

– Брак?! Вы шутите?! – Определенно дед впал в маразм. Это ж кому скажи – жениться собрался! Как говорил мой

циничный муж – «смерть отвернулась покурить, а он на танцы».

– Я абсолютно серьезен. Ты мне интересна, я чувствую, что в моих руках ты могла бы стать настоящей леди.

Я совершенно непочтительно расхохоталась, даже перестав на пару минут злиться. Только представить – я и этот мухомор! Это ж просто праздник идиотизма.

– В общем, так, – отсмеявшись, заговорила я злым тоном. – Говорю в последний раз – вы мне отвратительны, и этого достаточно, чтобы я прекратила всякое общение с вами. Все, разговор окончен.

– Вижу, вас ничему не учит жизнь, – вздохнул ухажер, как-то сразу перейдя на «вы». – Даже задержание не сделало вас осторожнее в высказываниях. Что ж, Мэри, вы сделали выбор, потом может быть поздно.

Я растерянно смотрела на гудящую трубку и молчала, лишившись дара речи. Так вот откуда растут ноги у кокаина... мать честная, вот это номер... А дедуля-то оказался крут до невменяемого. Или невменяемо крут? А то и проще – круто невменяем? Напугать меня решил, значит. И ведь это плохо, очень плохо.

Среди ночи я проснулась от ужаса – во сне совершенно ясно услышала мужской голос, приказавший мне встать и убираться из квартиры. Шизофрения даже в легкой форме в мои планы не входила, но я почему-то безоговорочно поверила

этому голосу. Набросив джинсы и куртку, я сунула ноги в сапоги и, прихватив с вешалки сумку, вышла на площадку. Глянув на часы, ужаснулась – три часа ночи! Да я сдурела совсем, что за бред? Разозлившись, я взялась за ручку двери и уже собралась вставить в замок ключ, как в квартире что-то оглушительно рвануло, и выбитой дверью меня отбросило в дальний угол площадки к мусоропроводу. Ударившись затылком, я едва не потеряла сознание от боли, но сумела удержаться. Пару секунд стояла гробовая тишина, но вот двери квартир начали распахиваться, подъезд наполнился голосами.

– Где это?

– Что случилось, скажите, ради бога?

– Да это у танцовщицы в квартире что-то рвануло, может, газ открыла...

– Точно – могла открыть и забыть, а потом закурила.

– Сама-то жива, интересно?

Я отряхнула с джинсов и куртки пыль, покашляла и сообщила соседям, что жива и почти здорова.

– Ты зачем же куришь-то у газовой плиты? – возмущенно поинтересовалась соседка из квартиры напротив. – На тот свет весь дом решила отправить?

– Похоже, что я курила в три часа ночи – с сумкой в руках? – огрызнулась я, смекнув, что не стоит рассказывать о своих «голосах», пока добрые люди в психушку не отвезли для профилактики.

Соседка поправила на голове сбившуюся тонкую косынку, из-под которой, словно трубы, торчали бигуди, оглядела меня с ног до головы и примирительно изрекла:

– Поздновато загулялась, да видишь, как повезло-то! Была б в квартире – кто знает...

На площадке открылся лифт, и через несколько секунд передо мной возникла всклокоченная Марго, а за ней – Джеф в спортивном костюме.

– Господи, Мэри! Я так и знала! – сразу запричитала Марго, обхватив меня руками. – Что случилось?

– Да пес его... – пробормотала я, напряженно наблюдая за тем, как Джеф вдруг подобрался, словно учуявшая след гончая, и рассматривает что-то на выбитой взрывом двери.

– Милицию бы... – начал кто-то, но Джеф предложил всем разойтись и спокойно досыпать, а уж он сам разберется и с милицией, и с газовой службой.

Внушительный вид мужа Марго и его спокойная уверенность в собственной правоте убедили соседей разойтись по норкам. Я вздохнула с облегчением, а Джеф на цыпочках вошел в квартиру, запретив попутно нам с Марго двигаться с места. Мы согласно закивали и на всякий случай переместились подальше от квартиры, на лифтовую площадку.

– Кошмар какой-то, – пробормотала я, вытаскивая ощутимо дрожащими руками пачку сигарет и зажигалку.

Марго понаблюдала за моими безуспешными попытками закурить, потом сжалась и сама прикурила сигарету, вста-

вила мне в рот и поморщилась:

– Ты не пробовала бросить?

– Бросишь тут, – проговорила я с досадой. – Не понимаю, что это было... Я спала как младенец...

– Так ты что же – дома была?! – Марго недоуменно уставилась на меня. – А почему ж тогда в куртке? Я думала, ты вернулась откуда-то.

– С того света, – мрачно пошутила я. – Тебе скажу, но Джефу ни слова, ладно? Я, кажется, схожу с ума, Марго. Вернулась вчера с тренировки около одиннадцати, душ, то-се... Хотела написать хоть пару абзацев, но не пошло, я так ноутбук в большой комнате и оставила. Да и насморк у меня, слышишь? – Для наглядности я пару раз шмыгнула носом. – Ну, вот – капли закапала, легла, уснула мгновенно, как из розетки выключили, и вдруг – голос... – я сделала глубокую затыжку и замолчала, глядя в расширившиеся глаза Марго.

– Можешь дальше не говорить, – прошептала она побледневшими губами. – Алекс...

– Ой, перестань! При чем тут...

– Притом! Только он мог – больше никому! Он всегда чувствует, когда с кем-то из нас что-то творится.

– Марго! – как можно внушительнее произнесла я, взяв подругу за плечо. – Послушай меня. Это уже перерастает в паранойю, в маниакальный бред, понимаешь? Нет никакого Алекса – в том виде, в котором ты сейчас его представляешь. Есть обычный мужик с... э-э-э... незаконным видом

деятельности, вот. Но – не больше. Не больше, Марго, – потому что такого просто не бывает.

Марго молчала. Она сама не раз говорила мне именно эту фразу, но буквально следом за этим случалось нечто, заставлявшее нас изменить свое мнение. Как сегодня.

Глубоко в душе я была уверена, что именно голос Призрака заставил меня встать с постели и выйти из квартиры.

– Курите? – Мы обе вздрогнули и обернулись к вышедшему на площадку Джефу. – Марго, иди домой, дорогая.

– А вы?

– А мы с Мэри еще покурим и придем. Приготовь пока ей постель, хорошо? Дверь я на место воткнул, до утра простоят, а завтра решим. Иди, Марго, – он вызвал лифт и мягко подтолкнул Марго в кабину. – Иди, мы скоро.

Когда лифт пошел вниз, Джеф взял меня за руку и вывел на балкон, окружавший дом по периметру на каждом этаже. Летом тут сушили белье, зимой хранили какие-то соленья и прочую дребедень. На моем же этаже балкон всегда был девственно чист, стояли старый диван и небольшой столик – тут любил курить мой сосед из квартиры напротив, пожилой бывший работник МИДа.

– Садись, – Джеф указал мне на диван, и я опустилась на него, подвернув под себя ногу.

Джеф же встал к перилам и, скрестив на груди руки, проговорил:

– У тебя проблемы, Мэри?

– Не поняла...

– Что тут можно не понять, я спросил довольно просто – проблемы у тебя?

Пристальный взгляд Джефа пронизывал меня насквозь, стало вдруг холодно и неуютно. Я поежилась, пытаюсь стряхнуть с себя это ощущение, но тщетно – Джеф глаз не отводил. Говорить с ним о своих подозрениях я боялась – он такой же, как Алекс, с которым у Джефа свои счеты, и стравливать их я вовсе не собиралась, чтобы не расстраивать Марго.

– Мэри, мне не нравится твое молчание.

– С чего ты решил, что у меня проблемы? – Я попыталась перейти на легкомысленный тон, и это мне вполне удалось. Однако Джеф кушать это не стал.

– С чего, говоришь, решил? А с того, моя дорогая, что газовая труба в твоей квартире надпилена в двух местах так, что газ из нее сочился постепенно. Не понимаю, как ты не почувствовала запаха.

– Насморк у меня, Джеф! Второй день сплю только с каплями...

– А-а. Ну, это все объясняет, – согласно кивнул Джеф и продолжил: – Тебе повезло, что, по всей видимости, ты явилась не голодная и разогреть принесенный Марго ужин не стала. Как не стала и курить в своем любимом уголке. Ты ведь куришь только в кухне, больше нигде, даже на балкон не выходишь, ведь так? Тот, кто сделал это, хорошо изучил твои привычки, Мэри.

– А... как же взорвалось? – глупо любопытствовала я.

– Совпадение это или нет, но мне показалось, что замкнул холодильник, искра вылетела – и взрыв.

Если что-то еще способно было напугать меня в жизни, так вот это оно и было... Я почувствовала ледяной холодок вдоль позвоночника. Моя привычка курить в углу между окном и столом была известна трем людям – Марго, Джефу и... правильно, Алексу. Алексу, черт его дери! Но за что?!

– Ты думаешь о том же, о ком и я? – Джеф бросил окурочек в металлическую пепельницу, а я кивнула. – Прекрасно. Хоть в чем-то у нас единение. Рассказывай, что натворила.

– Не поверишь – абсолютно ничего такого, что могло бы заставить его хотеть меня убить.

– Насколько я знаю Алекса, особо крупный повод ему не нужен, – усмехнулся Джеф. – Достаточно простого отказа.

– Ты говоришь глупости.

– Ладно, я не буду тащить клещами – так это говорится? Но будь очень осторожна, Мэри. Если это Алекс, он не остановится. Идем, еще успеем выспаться.

...Я не могла уснуть, ворочалась на своем любимом диване в квартире Марго. В голову лезла всякая чушь, я пыталась ни о чем не думать, но это никак не получалось. Что мне делать, как быть? Я только оправилась от этого дикого случая с кокаином – и тут снова какая-то чушь. И страх...

Мне казалось: после жизни с Костей, после стольких лет преследований и заячьих метаний по всему миру в попытках

спастись я уже разучилась бояться. Оказывается, нет – стоит только оказаться лицом к лицу с малейшей опасностью, как все начинается снова. Внезапно я поняла, что должна делать что-то, а не лежать, укрывшись с головой пледом. И единственное доступное мне сейчас действие совсем просто...

– Зачем ты звонишь мне ночью, Мэри?

Голос сух, тон отрывист, сквозит недовольство.

– Я не отниму много времени. Просто скажи – за что?

– Не понимаю.

– Не понимаешь? Странно. Я спросила четко – за что ты хотел убить меня?

Пауза. Щелкает зажигалка, я слышу тяжелый вздох и следующий за ним вопрос:

– Ты снова употребляешь кокаин, Мэри?

Напоминание о кокаине оказалось как-то странно «в каску» – а ведь я не рассказывала ему о задержании. И мы вообще не общались с ним в последнее время. Может, Марго? И что за намеки вообще... Сам-то лучше, что ли? В одно время ведь баловались. Да и, если честно, меня порой посещают мысли о том, что он до сих пор время от времени «расширяет границы сознания». А я дала слово Марго – и с тех пор ни-ни.

– Я не нарушаю обещаний! А ты не ответил.

– Мэри, ты ненормальная. О чем речь?

– О том, что кто-то знал, как сильно я люблю курить в кухне! – Я начала терять терпение – определенно Алекс из-

девался, хотя тон вроде ровный.

– Ну, я знаю об этом. Ты сидишь в углу, закинув на батарею ноги, и обхватываешь губами свой мундштук... а вокруг тебя клубятся облачка ментолового дыма... перед тобой чашка кофе, пепельница и иногда – ноутбук. – Я слушала его голос и чувствовала себя королевской коброй, которая уже парализована звуками дудки факира – еще минута, и меня можно брать голой рукой и совать в мешок. – Но что с того? Разве это повод убить тебя, Мэри?

– Это способ.

Он наконец потерял самообладание и рыкнул:

– Прекрати свои шарады! Какой способ, способ – чего?

– Не кричи, пожалуйста. Способ убить меня, организовав утечку газа! Достаточно щелчка зажигалки – и все! – Я сорвалась на громкий шепот, потому что орать в голос в квартире, где все спят, не могла.

Молчание Алекса было долгим и каким-то тревожным. Вряд ли он искал оправдания – такие, как он, не оправдываются.

– Где ты сейчас? – наконец проговорил он.

– Какая разница? Ты не ответил на мой вопрос – так почему я должна отвечать на твой?

– Я не собирался убивать тебя. Такой ответ тебя устроит?

Ответ меня устроил.

В глубине души я была уверена, что это не он, но уж слишком все сходилось в точке, именуемой «Алекс». Мне было

противно думать о нем вот так – со страхом, злобой и обидой. Как ни крути, а я любила его раньше, это сейчас могла уже почти честно сказать, что все закончилось. Господи, как же я любила его тогда – его руки, его голос, его взгляд. Как я слушала его игру на пианино – он всегда играл Шопена, когда замечал мое присутствие. Как я курила на окне, захлебываясь дымом и слезами, когда поняла, что он никогда не перестанет любить Марго. Да мало ли...

И теперь, когда он сказал короткую фразу «я не собирался убивать тебя», поверила ему безоговорочно и сразу. Он не лгал мне...

– Спасибо.

На том конце засмеялись. Я забыла, как он смеется, надо же...

– Мэри, ты позвонила первой. Помнишь, я сказал, когда это случится, я приеду и помогу тебе?

– Прости. Мне ничего от тебя не нужно, – поспешно отказалась я и отключила телефон.

Его приезда я боялась не столько из-за себя, сколько из-за Марго – та явно не будет рада видеть Призрака.

Все деньги, что я успела отложить на карточку, пришлось пустить на ремонт – кухню мою взрывом разметало в щепки, коридор и дверь в ванную тоже пострадали. Две недели я жила у Марго, испытывая нешуточные угрызения совести. Мне было неудобно перед Джефом. Казалось, я снова ввалилась в их жизнь, как татаро-монгольское иго, и они вынуждены

терпеть меня. Марго, разумеется, была другого мнения, она искренне считала меня членом семьи и представить не могла, что я могу жить где-то еще. Где? У меня слишком мало знакомых в Москве, а друзей нет вообще – только Марго и Джеф. С возрастом становится сложнее обрастать связями и знакомствами, начинаешь бояться открывать свою душу кому-то, потому что ждешь подвоха. А без откровенности какая дружба? Но я могу открыться только Марго, потому и нет у меня никого, кроме нее.

В первую же ночь дома я засиделась в кухне за ноутбуком, пытаюсь прогнать замучившую меня до полусмерти Музу. Упрямая девка не желала сдаваться, диктуя новые подробности биографии героини. У меня уже слипались глаза, но я продолжала стучать по клавиатуре, дописывая главу. И в этот момент мне показалось, будто я слышу, как в замке поворачивается ключ. Сначала я подумала – Марго, но, переведя взгляд вниз, увидела на экране время – половина четвертого утра, какая Марго... Был еще один вариант, но почему-то я его отмела – Алекс опять пропал, да и замки в двери новые. Хотя такие вот спектакли вполне в его духе. Я замерла, не в силах шевелиться, а ключ в замке все крутился туда-сюда, и было понятно, что человек с той стороны двери не может разобраться, в какую сторону его повернуть, чтобы открыть. Справившись с ужасом, я кинулась в коридор, накинула цепочку и с силой задвинула короткий, но толстый засов, который Джеф установил мне специально – для успо-

коения, так сказать. Глазок оказался залеплен чем-то с той стороны, и я не могла увидеть, кто это орудует. Схватив телефон, я лихорадочно набрала номер и, когда трубку сняли, громким шепотом завопила:

– Джеф!!! Джеф, у меня за дверью кто-то есть. Пытается вскрыть замок!

– Успокойся, я сейчас.

Было ощущение, что пара минут, которые потребовались Джефу, чтобы подняться, длились около месяца. Мне показалось, что я от страха состарилась за это время. Звонок в дверь застал меня на полу в ванной, где я сидела, обхватив колени руками. Кое-как заставив себя встать, я вышла в коридор и на цыпочках подошла к двери. Оттуда раздалось:

– Мэри, это я. Открой, не бойся.

Когда Джеф вошел в квартиру, я без слов повисла у него на шее и расплакалась.

– Ну-ну, что ты, – успокаивающе проговорил Джеф. – Уже все. Никого нет.

– Ты... что ты хочешь... что я истеричка, да?

– Ну, что ты, Мэри. Замок-то на самом деле весь исцарапан – отмычку подбирали. Вопрос в другом – кто? И почему так внезапно – когда все дома, соседей полно?

– Джеф... прости, что подняла тебя среди ночи...

Он только усмехнулся:

– Напой меня чаем, и будем считать, что в расчете. Все равно вставать через час, так что нет смысла ложиться.

Джеф поддерживал спортивную форму, бегал по утрам в любую погоду и обливался холодной водой прямо во дворе, удивляя жителей дома твердостью характера и постоянством. Если Джефа два дня никто не видел с утра, старушки начинали приставать к Марго с вопросами – не заболел ли супруг, все ли в порядке.

Мы сидели в кухне, курили и пили чай. Меня слегка потряхивало от пережитого, Джеф был хмур и о чем-то постоянно думал. За окном просыпался город, первые машины понеслись по дороге, первые звуки нового дня начали проникать в квартиру. Я подумала, что сегодня вряд ли пойду на тренировку – не смогу, надо позвонить Виктору и объясниться.

– Послушай, Мэри, – оторвал меня от раздумий Джеф. – Он не остановится. Я его хорошо знаю.

Я оторвалась от мыслей о пропавшей тренировке и перевела взгляд на Джефа. Смысл его фразы сперва не дошел до моего сознания, но потом я поняла – он ведь об Алексе говорит, по-прежнему подозревая того в попытке то ли напугать, то ли просто убрать меня. Но зачем, почему? Чего ради Джеф так на этом настаивает? Понятно, что уж он-то знает об Алексе куда больше моего, но ведь это не повод. Хотя... Черт, а ведь он может оказаться прав – все слишком уж указывает на то, что именно Алекс приложил руку и к взрыву газа, и к сегодняшнему ночному происшествию.

– Ты что же, думаешь, что?...

– А у тебя есть другой вариант? – хмуро усмехнулся Джеф, обнимая огромной ручищей чашку с чаем.

– Джеф... я понимаю, он – самая удобная кандидатура, но поверь... Что-то мне подсказывает – он здесь ни при чем.

– Ну еще бы – пресловутая женская интуиция! – с иронией протянул мой собеседник. – Мэри, посмотри правде в глаза – кому еще, кроме него, это может быть нужно? Кто еще способен проникнуть в твою квартиру и подпилить газовую трубу? Кто еще может среди ночи подбирать ключ к твоему замку?

– Да кто угодно... – не совсем уверенно пробормотала я, не желая признаваться Джефу в том, что подозревать Алекса мне больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.